М-341.

«ХРУЩЕВ—МИР—ДРУЖБА!»—ГОВОРИТ ПАРИЖ

«Союз между нашими странами вызывается общими интересами, географическим положением наших стран и необходимостью защиты мира в Европе». Кто откажется подписаться под этим высказыванием Никиты Сергеевича Хрущева? Французы от души присоединяются к его словам: «...если наши страны объединят свои усилия в защите мира, то никакие безумцы... не отважатся развязать новую войну...»

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й
№ 37 (4162)

Суббота, 26 марта 1960 г.

ЦЕНА 40 КОП.

Так тает лед

Репортаж из Франции

МАРТ — АПРЕЛЬ 1960 года

Борис ПОЛЕВОЙ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

ОВАЦИЯ НАРОДА

Из окна маленького номера отеля «Пале д'Орсэ», где пишутся эти строки, видна Сена. Вдоль обоих берегов встречными потоками несутся автомобили. Огни их фар как бы зажигают тихую, спокойную воду, и все это трепещет в ночи, пронизанной в отдалении неясным силуэтом Эйфелевой башни. Гудят усталые за день ноги. В ушах еще раздаются аплодисменты, приветственные клики, скандируемые по слогам призывы, которыми парижане встречают и провожают Никиту Сергеевича Хрущева, где бы он ни появлялся. С чего же начать мне рассказ об этих двух последних днях, битком набитых интереснейшими впечатлениями?

Начну я, пожалуй, с приема, устроенного Президентом де Голлем в честь своего гостя в Елисейском дворце. По отзывам газет, на нем был «весь Париж». Так это или не так, не нам, иностранцам, судить, но два редактора двух солидных французских газет разных направлений, с которыми меня познакомили на этом приеме, уверяли: один — что такого не было и в дни приезда британской королевы Елизаветы, второй — что Париж не чествовал так и Эйзенхауэра.

— А главное, — сказал один из них, человек проницательный и, по отзывам парижских коллег, держащий руку на пульсе французской политической жизни, — главное, можно просто глазами видеть, как тает лед в отношениях между нашими странами.

Тает лед! Пожалуй, это самое подходящее определение тому, свидетелями чего мы являемся. И если в первый день пребывания главы Советского правительства в Париже еще чувствовался этакий официальный холодок, этакая вежливая настороженность, то сейчас все это начало заметно исчезать — сдержанность и учтивость сменяются сердечностью.

Мы узнали из газет о маленьком, но характерном инциденте, который, естественно, не могли сами заметить, несясь в хвосте торжественного кортежа. Оказывается, рабочие, строящие на аэродроме Орли новое и, к слову сказать, очень красивое, удобное здание аэровокзала, работая в ночь на 23 марта, оставили на незаконченной стене самодельный плакат, которым хотели приветствовать главу Советского правительства и пожелать ему хорошего путешествия. Полиция сняла этот плакат, усмотрев в нем, как было объявлено полицейским инспектором, нарушение программы приема.

В последующие дни огромные толпы парижан собирались возле парижского муниципалитета, Торговой палаты, дворца на Кэ д'Орсэ — резиденции Н. С. Хрущева. Люди приходят с флагами, с плакатами, приветствующими Никиту Сергеевича, они приносят с собой даже красные знамена и при приближении торжественного кортежа размахивают ими. Они до хрипоты скандируют слова привета, и никто уже не мешает им выражать в такой непосредственной и энергической форме свое стремление к дружбе с Советским Союзом, свое уважение к первой в мире стране социализма, к советскому премьеру.

Из газет мы узнали также, что какой-то офицер полиции в рабочем районе Орли очень усердствовал, опасаясь, что собравшиеся на улице рабочие будут слишком уж горячо приветствовать гостя. В результате этого чрезмерного усердия офицер, когда проезжали машины, оказался отброшенным толпою назад и видел только спины аплодирующих людей. Вчера и сегодня полиция хранила строгий нейтралитет и лишь заботилась о том, чтобы не было давки и люди, рвущиеся пожать руку гостя или вблизи взглянуть на него, не могли попасть под машины.

Возвращаясь после возложения венков на могилу Неизвестного солдата, мы увидели в густой толпе очень хорошенькую парижанку, украсившую пышный узел своих русых волос двумя маленькими флажками — французским и советским. Фотографы и кинооператоры оценили ее остроумие и не сводили с нее объективов. Сегодня мы увидели уже нескольких девушек с таким украшением на голове. Ну что ж, можно признать и такой милый, чисто женский способ выражать дружеские чувства к Советскому Союзу, которые обуревают сейчас подавляющее большинство французов.

ВСТРЕЧА В РАТУШЕ

Особенно волнующим событием этих дней был, как мне кажется, большой прием, устроенный в парижском муниципалитете, который находится на одной из древнейших площадей города, именовавшейся когда-то Гревской, что нам хорошо известно из французской литературы. Древнее здание ратуши — немой свидетель многих событий. Здесь, в этих стенах, писались славные страницы истории Парижа, в гербе которого, как известно,—изображение каравеллы с наполненными ветром парусами и девизом: «Его качает, а он не тонет». Здесь, у этого здания, под бурные аплодисменты и гром «Марсельезы» была провозглашена Парижская Коммуна. Сюда, в это здание, люди, закопченные пороховой гарью, приносили донесения со сражающихся баррикад Коммуны.

И вот теперь официальный Париж принимает здесь главу правительства Советского государства, народ которого считает себя продолжателем дела парижских коммунаров, строит коммунизм. Огромный парадный зал торжественно убран. Он переполнен до отказа: муниципальные советники, депутаты, сенаторы, иностранные дипломаты. Когда я смотрел на этот переполненный зал, мне казалось, что не только яблочку, а и семени яблочка негде упасть.

Приветствуя гостя, Премьер-Министр Франции Мишель Дебре и председатель муниципального совета П. Деврень вдохновенно говорили о Париже, о его великих и славных традициях. Об этом же со свойственными ему сердечностью и простотой говорил в своем слове и Никита Сергеевич Хрущев. Зал замер. Тихо. Слышно лишь, как стрекочут камеры киноаппаратов. Когда же Никита Сергеевич сказал, что во время войны он был членом Военного совета Сталинградского фронта и что он хочет напомнить парижанам, что три гитлеровские дивизии, которые в июне 1940 года ворвались в столицу Франции, нашли в 1943 году свою гибель у стен Сталинграда, старинный зал наполнился такими аплодисментами, каких он, может быть, и не слышал со времени провозглашения Парижской Коммуны.

Германский вопрос, отметил Н. С. Хрущев, ныне является одной из неотложных международных проблем. Его разрешение одинаково важно и для Франции, и для СССР. Прямо и откровенно Никита Сергеевич показал, почему опасна позиция поощрения поднимающего голову западногерманского реваншизма. Н. С. Хрущев призвал деятельно способствовать упрочению мира во всем мире.

— Дорогие парижане! — сказал он.— Предстоящее в мае в вашем городе совещание глав правительств, встречи и беседы между государственными деятелями стран Запада и Востока, которые уже имели место, свидетельствуют об известном потеплении в международных отношениях. «Холодная война» сменяется разрядкой, на смену зиме в международных отношениях идет весна. Однако, как вам известно, в человеческих отношениях зима не сменяется весной автоматически, как это происходит в природе и как мы чувствуем это сейчас в Париже. Установление тепла или холода в отношениях между людьми зависит от желания, от стремления придать ту или иную температуру этим отношениям, требует серьезных усилий. Говоря образно, стоя на месте, не согреешься.

С теплотой, искренним уважением говорил Никита Сергеевич о французах, сражавшихся в дни войны с общим врагом — гитлеризмом. И я вспоминаю двух замечательных французов, которых после более чем пятнадцатилетнего перерыва встретил теперь на приеме в Елисейском дворце. Это — Герой Советского Союза Роллан де-ля-Пуап, некогда сражавшийся с гитлеровскими асами над советской землей и покрывший себя славой, и командир эскадрильи «Нормандия — Неман», ныне генерал Пуйяд. Впервые я познакомился с ними на полевом аэродроме незадолго до воздушного сражения над Неманом, ставшего для эскадрильи историческим. Оба они, эти славные сыны Франции, не забывали боевого братства. Для них обоих памятны и дороги общие сражения против немецкого фашизма. Мне, написавшему когда-то корреспонденцию о боевых операциях этой славной французской эскадрильи, было необыкновенно приятно поднять бокал за тост, провозглашенный де-ля-Пуапом: за возрождение традиционной дружбы между Францией и СССР, дружбы, которая скреплена кровью советских и французских солдат.

Пока, спустившись со сцены, Никита Сергеевич медленно шел через большой зал ратуши сквозь строй людей, устроивших ему бурную овацию, мы, опередив его, вышли на площадь. Она была залита народом. Оказывается, парижане, собравшиеся здесь больше часа назад, терпеливо ожидали появления Никиты Сергеевича. Над толпой раскачивались красные флаги. Выделялся плакат, на котором не очень грамотно, зато очень здорово было написано по-русски: «Кручов — мир — друба». Когда он показался в дверях ратуши, толпа заскандировала по-русски: «Никита дорогой, Никита хорошо!»

И все это так сердечно, все это с такой непосредственностью, что как-то невольно мысль обращалась к событиям, происходившим здесь девяносто лет назад, и невольно приходило на ум, что там, в этой толпе, собравшейся у здания, на фронтоне которого высечена надпись: «Свобода, равенство и братство», наверное, присутствуют потомки коммунаров.

ЕЩЕ ОДНА НИТЬ...

Ну, а сегодня мы перенеслись на тихую окраинную улочку Мари-Роз, в старый парижский дом, в крохотную квартирку, где пятьдесят лет назад жил Владимир Ильич Ленин.

Года четыре назад мне посчастливилось побывать в этой квартире. Все так же мемориальная доска напоминает о том, что под крышей этого дома с июля 1909 года по июнь 1912 года жил Владимир Ильич. Узенький темный коридорчик приводит в кухню, которая служила Ленину и столовой. Направо — крошечный кабинетик, где стоял зеленый диван, по воспоминаниям, всегда заваленный книгами так, что на него нельзя было сесть, и некрашеный стол, за которым Ленин написал сотни статей. А напротив — другая крохотная комната, где стояли две узкие кровати. Вот и вся обстановка. Отсюда Ленин ездил на велосипеде в Национальную библиотеку. На велосипеде потому, что часто не бывало денег, и потому, что он любил такие прогулки.

Парижские коммунисты с трогательной заботой охраняют эту квартиру. Они собрали тут интересные ленинские реликвии. Среди них—объявление о том, что Ленин выступит с лекцией на тему «Религия и рабочая партия», номер «Юманите» за 4 декабря 1911 года, в котором напечатан отрывок из речи, произнесенной «гражданином Лениным» на похоронах Поля и Лауры Лафарг.

Эта квартира Владимира Ильича, которую посетил сегодня Никита Сергеевич,— еще одна нить связи между Парижем и Москвой.

(Окончание на 6-й стр.)

РАЗОБЛАЧЕННЫЕ МАНЕВРЫ

Андре СТИЛЬ

Выступления Никиты Сергеевича Хрущева на французской земле, несомненно, найдут широчайший отклик. Прежде всего они разоблачают маневр, — бесспорно, согласованный, — предпринятый утром в день приезда одновременно газетами «Фигаро», «Орор» и «Попюлер».

Странное все-таки представление о гостеприимстве! Эти газеты, встречая Председателя Совета Министров СССР, подчеркивают в своих передовых статьях, что визит его представляет «угрозу»... «Угроза», по их мнению, заключается в том, что Н. С. Хрущев прибыл во Францию как «лидер мирового коммунизма», то есть с намерением превратить свою поездку по Франции в «фестиваль серпа и молота». Тенденциозность эта проявляется и в других статьях тех же газет; они, используя все ту же аргументацию, упорно требуют максимального ограничения контактов Никиты Сергеевича Хрущева с народом Франции. Они стремятся извратить смысл приезда главы Советского правительства и таким образом подорвать успех его визита.

Но вот Хрущев выступил — на аэродроме Орли, в муниципалитете, в Торговой палате, перед журналистами и парламентариями. Слова его свидетельствовали о доброй воле к сосуществованию, о явном стремлении достичь сближения и договоренности, невзирая на различия социальных систем и мировоззрений. Тем самым были опровергнуты всяческие газетные инсинуации.

Хрущев говорит о проблемах, волнующих не только коммунистов, но и широчайшие массы французов, придерживающихся самых различных убеждений. Развитие франко-советских отношений, укрепление мира, международное сотрудничество, существенным образом облегчаемое личными контактами между главами государств, разоружение — эта наиболее жгучая проблема современности... В глазах французов, исповедующих самые различные взгляды, все это — проблемы, которые объединяют, а не разъединяют.

Говоря о генерале де Голле, Н. С. Хрущев воздает хвалу патриоту, не склонившему головы перед гитлеровскими оккупантами во время войны. Говоря о французском народе в целом, о его культуре, науке, технике, Хрущев проявил, как и можно было ожидать, лишь симпатии и понимание.

Итак, возвращаясь к началу статьи, можно сказать: хороший урок вежливости получили газеты, некоторые газеты страны, где вежливость стала традицией.

На самом же деле правда заключается в следующем (да никто и не может подвергнуть это сомнению): Хрущев приехал во Францию как искренний и лояльный посланец мира, смягчения международной напряженности, дружбы между народами. Не только коммунисты, но все французы, которых тревожит проблема безопасности и величия своей страны, радуются его приезду и — факты уже подтверждают это — встречают Хрущева с восторгом, возлагают большие надежды на его визит.

Вот почему можно предсказать, что величайшие надежды, возлагаемые «средним французом» на этот визит, уже мешают и с каждым днем будут все сильнее мешать осуществлению некоторых злонамеренных козней.

Знаменательно, впрочем, что те же газеты выдвигают одновременно и другой «аргумент»: они заявляют, что связи с НАТО не позволяют Франции ни о чем договариваться с глазу на глаз с Советским Союзом и, следовательно, эту поездку Н. С. Хрущева надлежит рассматривать лишь как обычный визит, от которого не приходится ожидать конкретных результатов. Можно ли относиться с бо́льшим цинизмом к независимости Франции? Значит, сама Франция уже ничто? И она должна взирать, как французские газеты отказывают ей в самостоятельности и самоопределении, о которых говорят применительно к Алжиру? В сущности, этим преследуется все та же цель: преуменьшить значение переговоров между генералом де Голлем и Председателем Совета Министров Советского Союза. И на это тоже ответил косвенным образом Н. С. Хрущев, говоря о большой роли, которую Франция и СССР могут играть совместно, как две крупнейшие державы европейского континента. Впрочем, можно отметить, что и сам генерал де Голль согласен беседовать «о делах, которые касаются России и Франции, и тем самым о проблемах мира».

И, вопреки всем злопыхательским маневрам, толпы народа на Елисейских полях и на Мон-Валерьен уже показали, в чем французский народ усматривает истинную мудрость.

ПАРИЖ, 25 марта. (По телеграфу).

Иван НЕХОДА

ЭЙФЕЛЕВА БАШНЯ

Вы не были на Эйфелевой башне?
О! — ахает француз, — месье, да вы же...
И возглас удивления всегдашний:
— Да вы совсем не видели Парижа!
Стальная башня — города эмблема,
Она в путеводителях мелькает,
На зажигалках даже... Видим все мы,
Что побывать на башне не мешает.
Дивлюсь на рост ее трехсотметровый,
На чудо-юдо — кружево из стали.
Вот к ней причалит облачко и снова,
Передохнув немного, мчится в дали.
Тут солнце чешет косы золотые,
Сквозь переплет сквозной сиянье сея.
На башне я! Передо мной впервые —
Париж, который не вместишь в музеи!
Увидел не Пигаль, где всходит месяц
Над «Мулен-Руж», — открылись шире виды:
Заводов дымы мглятся в поднебесье —
Париж, что от меня скрывали гиды.
Париж, где Маркс и Энгельс повстречались,
Париж, в котором жил великий Ленин,
Где стяги Мая смелые взвивались
Над толпами, над бурным их кипеньем...
На небе мы! Париж лежит под нами,
Застывший, словно на почтовой марке:
Нотр-Дам залит закатными лучами,
Вот Лувр, вот глыба Триумфальной арки.
И Сена, словно серебристый пояс,
Весь город опоясывает сонно...
Мосты над ней...
Вдали проходит поезд...
Булонский лес — зеленые знамена...
И в небе сувениры есть!.. И даже —
Буфетик...
Кока-кола... Вот поди же!..
Вы не были на Эйфелевой башне?
Ну, значит, вы не видели Парижа!

Перевел с украинского В. ДЕРЖАВИН

СЕНА

Сколько проплыло легенд над нею
Про ее завидную красу...
Я иду платановой аллеей,
Василек ей от Днепра несу.
Сена, Сена! Каменное лоно,
Гордое величье...
Неба синь...
От платанов тень в воде зелена.
Стань, мечтай... И взглядом даль окинь —
Эйфелевой башни очертанье,
И в огнях реклам сиянье крыш...
Осень загорелась на платане,
Весь в осеннем пламени Париж.
Клен задумался, склонившись кротко...
Я стою над Сеной, мыслей полн,
С берега отчаливает лодка
И плывет, плывет по воле волн,
Вижу в лодке два я силуэта...
Сена...
Тень зеленая...
Луна...
Смех... И звон гитары... Лодка, где ты? —
У моста, у Луврского она.
Скрылась под мостом влюбленных пара...
И казалось мне, что это — я,
Что в той лодке под аккорд гитары
Уплывает молодость моя...
Снова лодка, только где-то ниже...
Ночь на Сене! Лунность не нарушь...
Хорошо под зорями Парижа,
Лучше, чем в хваленом «Мулен-Руж».
Слушать «буги-вуги» завыванье
В туче дыма, в облаке «Коти»...
Сена...
Лодка...
Первое свиданье...
Молодости дважды не цвести!

Перевел с украинского Александр НИКОЛАЕВ.

ПАРИЖ

ВЕСНА

Пьер КУРТАД, французский публицист

Н. С. Хрущев в первый день своего пребывания во Франции отдал дань уважения самому священному, что только есть у обоих наших народов,—памяти о людях, погибших за общее дело, памяти о братстве крови, пролитой в борьбе против гитлеризма. Поднявшись над политическими разногласиями и расхождениями во взглядах на современные проблемы, французы вспомнят, приветствуя высокого гостя, о трагическом времени, когда самое существование нашей страны в значительной степени зависело от событий на Восточном фронте.

На Западе любят говорить о «свободном мире», но что стало бы со свободной Францией, несмотря на принесенные ею огромные жертвы, если бы миллионы героев Сталинграда, Курска, Орла, если бы участники обороны Москвы и Ленинграда не одержали победу, отстояв — и какой ценой!—свою родную землю?

Едва ли возможно утверждать, что существует много общего между воззрениями, которые отстаивает наша газета, и политико-философскими взглядами такого человека, как каноник Кир. Тем больше оснований заявить, что мэр Дижона великолепно выразил точку зрения **всего** французского народа, возразив своим противникам: «Если бы не было России, которая остановила 260 немецких дивизий, мы бы все еще находились под гитлеровским игом».

Все, кто забывает об этом, присоединяются — хотят они того или нет, соглашаются с этим или нет — к тем людям, которые некогда мечтали о победе гитлеровской Германии и, следовательно, о поражении Франции.

Второе, в чем должны отдать себе отчет все французы, это в необходимости поддержать политику мирного сосуществования, помочь ей одержать победу. Никита Хрущев приехал сюда не как проповедник коммунистических идей, хотя эти идеи разделяются миллионами французов, — он приехал как посланец мира. Это значит, что его призыв обращен ко всем французам, за исключением, разумеется, приверженцев «холодной войны».

Уже можно утверждать, что попытки извратить смысл этого исторического визита или приуменьшить его значение потерпели крах. В толпе, которая аплодирует Н. С. Хрущеву на всем протяжении его пути по Парижу, представлены все убеждения, помимо тех «убеждений», согласно которым в наш атомный век разногласия могут быть решены путем применения силы...

Никита Хрущев — один из тех государственных деятелей, которые в последние годы больше всех потрудились, чтобы убедить государства отказаться от применения силы в международных отношениях.

Как глава правительства СССР, он защищает идею всеобщего контролируемого разоружения с искренностью, которой воздают должное даже его противники.

Советский Союз подал пример, приняв меры по одностороннему разоружению. В настоящее время советская делегация в Женеве делает все возможное, чтобы путем взаимных уступок быстрее прийти к соглашению.

Вот за эту политику — и благородную, и реалистическую — аплодируют Н. С. Хрущеву французы: они понимают, что сердечность их приема будет способствовать успеху политических переговоров между Президентом Французской Республики и Председателем Совета Министров СССР, а следовательно и в немалой степени и успеху переговоров на высшем уровне.

Освещать события подобного масштаба — нелегкая задача для журналиста. Всегда опасаешься прибегать к выражениям и образам, которые использовались слишком часто и потому уже успели потускнеть... Но какими еще словами мне рассказать о том, как французы аплодировали Никите Хрущеву? Они аплодировали ему так, как давно уже не аплодировали никому, приветствуя в его лице Советский Союз и Мир, дружбу между нашими народами и Разоружение!

...В прошлом март — «месяц войн» — был предвестником крупных военных походов. Пусть же теперь эта весна, эти деревья в цвету, этот прозрачный воздух станут предвестниками чудесного лета, лета эры мира, которому никогда и ничто не будет более угрожать.

ПАРИЖ

НАШИ ГЕРОИ

В. БИЛЛЬ-БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ

Подвиг четырех советских бойцов взволновал мировую общественность. Явление исключительное, необычное. Особенно это понятно морякам. Невольно вспоминаю свое первое плавание в штормовую погоду в бытность свою юнгой на парусной шхуне. Ветер буквально забивает дыхание, дышать трудно. Горы волн так стремительно мчатся за бортом, что рябит в глазах. Водяные валы то и дело рушатся на палубу, заливая все и вся. И все это под оглушительный рев, визг, гул, шипение и бухание волн о борта.

И все же сказанное здесь далеко не то, что происходило с баржей... Далеко не то!.. Дрейфующая ладья с горсткой людей в беспредельном океане, без направления, без курса — «без руля и без ветрил», — без радио, очень долгое время без пищи и воды, в черные бушующие ночи, когда не видно ни зги, и в дни, когда по мрачному небу громадными коршунами носятся тучи, а сырой туман застилает свет. Даже богатое воображение не может представить себе эту жуть. Недаром в подобных случаях люди лишались рассудка и бросались за борт... Чтобы по-настоящему это понять, надо самому пережить...

И это пережили четверо молодых советских бойцов в течение 49 суток...

Да, это потрясающая выдержка!..

Та выдержка, которая присуща советскому народу, закаленному в шторме революции и гражданской войны, когда кораблю революции под командой великого капитана **Ленина** пришлось выдержать борьбу с контрреволюционной стихией. Выдержать и... победить!

Та выдержка, которая позволила победить в Отечественной войне против фашизма.

Благодаря усилиям нашего правительства и лично Никиты Сергеевича сближаются народы Советского Союза и США. Спасение наших героев и сердечная встреча их на американской земле — это один из шагов к миру народов...

Хвала и слава солдатам нашим — Зиганшину, Федотову, Поплавскому и Крючковскому, показавшим миру ярчайший пример героизма и скромности!

На улицах французской столицы тысячи парижан. Ведь сегодня исключительный день, исключительное событие. Прочтите, как его комментируют газеты!

Фото В. Соболева

В СУББОТНЕМ НОМЕРЕ:

☆ Париж приветствует Н. С. Хрущева. Статьи Б. Полевого, Андре Стиля, Пьера Куртада.
☆ К 90-летию со дня рождения В. И. Ленина
☆ «Литературная газета» в Якутии. Репортаж Н. Болотникова и В. Литвинова.
☆ Слушается дело...
☆ В обсуждении проблем драматургии выступают Ю. Зубков и М. Крушельницкий.
☆ «Прогулка по Ярославлю» — из очерков Е. Дороша.
☆ Выставка московских художников. Статья А. Каменского.
☆ М. Кузнецов. Об одной статье журнала «Молодая гвардия».
☆ Из страны «Поэмии».
☆ Они боролись за свободу Франции.

Журнал назывался «Красноармеец». Он родился в тяжелый и героический 1919 год. Издавало его Политическое управление Реввоенсовета Республики для воинов Советских Вооруженных Сил. Но первые же номера «Красноармейца» — хорошо иллюстрированного политического и художественно-литературного журнала — завоевали значительно более широкую аудиторию, чем это предполагалось.

В юбилейном номере журнала, посвященном второй годовщине Великого Октября, было опубликовано воззвание В. И. Ленина «К товарищам-красноармейцам».

На страницах «Красноармейца» выступали видные деятели большевистской партии и Советского правительства.

Очень интересен 21—22 номер этого журнала. Он вышел в 1920 году, в дни, когда партия и страна отмечали пятидесятилетие со дня рождения В. И. Ленина. В номере опубликованы выступления М. И. Калинина, А. В. Луначарского, В. В. Воровского, посвященные великому вождю.

Этот номер журнала «Красноармеец», вышедший сорок лет тому назад, стал ныне уникальным. Сегодня мы печатаем из него статью В. В. Воровского, вошедшую впоследствии в его сочинения. Образ Ленина обрисован в статье со страстью и глубокой взволнованностью подлинно партийного публициста.

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА

В. И. Ульянов-Ленин

В. ВОРОВСКИЙ

ГРОЗНЫЕ эпохи исторических переломов рождают людей, которые как бы воплощают в себе душу переживаемого момента. Эти люди являются средоточием и носителями того нового, грядущего, высшего, которое борьбой пробивает себе дорогу и завоевывает себе право на существование. Таким человеком в нашу эпоху перелома от капитализма к социализму является Владимир Ильич Ульянов-Ленин.

Подобно какому-то сказочному дереву, пустил он могучие корни глубоко в толщу рабочей массы России, а верхушкой своей упирается в те заоблачные высоты, где нагромождены научные и культурные ценности, собранные человечеством в течение тысячелетий. К ужасу жрецов и хранителей этих ценностей, тащит он их непочтительно и бесцеремонно вниз, к питающим его корни массам, а в обмен — к еще большему ужасу этих священнослужителей — бросает в их тихие лазурные высоты дерзкие и властные требования пролетариата.

Не удивительно, что имя его стало символом освобождения рабочего класса не только России, не только Европы, но всего мира; не удивительно, что миллионы взоров, мыслей, чувств трудящихся земного шара стремятся в тот уголок мистического Кремля, где эти мысли и чувства миллионов таинственно претворяются умом и волей одного человека в боевые лозунги масс, в путеводные звезды мощных движений.

Какая же сила таится в этом одном избраннике и как должны ценить и любить его те, *кто признал* в нем своего надежного вождя!?

Трудно представить себе более цельное сочетание в одном лице громадной мысли, могучей воли и великого чувства: Владимир Ильич как бы вытесан весь из одной глыбы, и нет в нем линий раскола. Все в нем сосредоточено, как бы пригнано к одной большой общей задаче — служению делу пролетариата и руководству им на пути к социализму. И с какой бы стороны вы ни подходили к нему, вы неизменно наткнетесь на ту же единую, но грандиозную идею, охватывающую его целиком и не оставляющую места другим интересам.

У Владимира Ильича большой *теоретический ум*, но не в этом его особенность. Главное то, что теория для него никогда не представляла самодовлеющей ценности, как для профессионалов-ученых. Он всегда смотрел на нее как на способ познания того мира, в котором живет пролетариат, с которым он борется и который стремится перестроить. И в этой тесной связи теоретической мысли с практическими задачами могучего революционного класса и создается та особая острота и меткость мысли Ленина, которая позволяет ему из всякого, с виду самого отвлеченного, положения выковать боевое оружие и поражать им противника. Здесь сказывается та скрытая духовная связь, которая существует между классом и его идеологом и благодаря которой идеолог молодого, восходящего революционного класса имеет в нем бесконечный источник духовного творчества.

Благодаря этому практическому, глубоко жизненному характеру теоретического мышления Ленина, благодаря этой духовной связи с массой он обладает удивительным даром *политического провидения*, — т. е. способностью на основании частичных, отрывочных, нередко субъективных данных намечать линию исторического развития на ближайшее время, определять перспективы движения, заглядывать вперед, в «неисповедимые судьбы» будущего. Как сторожевой, стоящий на вышке, он издали замечает приближающиеся события и предупреждает о них своих соратников.

Естественно, что при этом даре исторического предвидения и при глубоком чутье того, чем живет и что думает масса, Владимир Ильич является *блестящим политиком-практиком*. Он большой мастер схватывать потребности момента в форме какого-нибудь ясного лозунга, бросать в массы простые, понятные задания, которые не разрешают общих, больших вопросов, но дают ответ на злобу дня, идут навстречу назревшей сегодняшней нужде. Как опытный кормчий, быстрыми, ловкими движениями руля ведущий корабль по опасному, усеянному рифами фарватеру, так он этими практическими лозунгами и заданиями руководит стихийным движением массы, зорко наблюдая за тем, как массы отзываются на эти меры и в какой степени отдельные фазы движения соответствуют его общим тенденциям и целям. И как только какой-нибудь лозунг не оправдал ожиданий или исполнил свою задачу, кормчий так же быстро и умело делает новый поворот руля, бросает новый лозунг, тонкая мысль и волю массы под другим углом. И эти смелые повороты руля бывают иногда так неожиданны, что даже близкие сотрудники Ленина стоят озадаченные, не зная, следует ли хлопать или протестовать. К счастью для нас, действительность разбивала всякие сомнения.

Можно подумать, что Владимир Ильич — деспот, схвативший в свои руки рулевое колесо и ни с кем не считающийся. Такое мнение было бы в корне ошибочным. Среди баловней судьбы, которым история давала такую громадную власть не только над людьми, но и — что в тысячу раз важнее — над сердцами людей, не было еще ни одного, который так высоко ставил бы человека в государственной машине. На других людей он смотрит, как на себя: это бывает иногда людям не под силу, ибо он нередко переоценивает их, приписывает им такие же исполинские силы, какими обладает сам, и им горько, что они не могут оправдать его ожиданий. Но он никогда не примет решения, никогда не предпримет шага, пока не убедится, что это не просто его личное мнение, а выражение мнений многих из его соратников. Окружающие его и встречающиеся с ним часто даже не подозревают, как много их коллективных переживаний, их опыта в мыслях и решениях Владимира Ильича. И это умение собирать в себе, как в фокусе вогнутого зеркала, опыт и знания многих и многих и претворять их в своей богатой умственной лаборатории в общие идеи и общие лозунги и составляет его редкую способность.

Но не является ли он в силу этих качеств сухим, тощим политиком, для которого живые люди лишь марионетки или шахматы? И этого нет. Владимир Ильич любит людей, с которыми работает и борется за общие интересы. Он проявляет много нежности и заботливости о них — той мужской нежности, которая избегает сладких слов и внешних знаков. Но и здесь он верен себе: как только человек покидает свой пост, как только он дезертирует из рядов борцов, он не существует больше для Ленина. Борьба за дело пролетариата в рядах Коммунистической партии — вот то основное, что определяет отношения Ленина к человеку; это та «истина», которая для него выше «друга Платона». И здесь мы вплотную подходим к той основной черте личной этики, которая так характерна и так привлекательна в Ленине. У него нет общего и частного, нет общественной жизни и личной жизни. Он и в этом выкован из одной глыбы. В общественную жизнь он ушел весь без остатка, спаяв с нею и свое личное существование. Вся его личная жизнь — рабыня его общественной деятельности. Здесь нет места внутренним противоречиям, трагедиям, компромиссам, — всему тому наследию мещанства, которое разбило не одну жизнь интеллигента-революционера. И эта цельность ставит Ленина на ту нравственную высоту, до которой даже клевета врагов бессильна подняться.

Дать характеристику Ленина — это значит писать и писать целые тома, ибо так много можно и хочется сказать об этом столь простом и цельном и в то же время столь разнообразном и сложном человеке. Но сейчас довлеет дневи высказать в нескольких строках те чувства преклонения перед величием человека и чувства нежности к товарищу и соратнику, которые испытываем мы все, работавшие и работающие вместе с ним в рядах Коммунистической партии.

АРКТИЧЕСКИЙ РЕПОРТАЖ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ТИКСИ — БУХТА ВСТРЕЧ

Говорят, Тикси в переводе значит бухта встреч. Удивительно точное название! Тикси — морские ворота Якутии. Сюда, в Тикси, везут товары и стройматериалы, машины для новостроек Севера и научное оборудование для высокоширотных экспедиций. И — людей, людей. Им нет числа!

Для нас Тикси тоже стала бухтой встреч. Мы виделись с портовиками и строителями, полярными пилотами и рыбаками, шахтерами и исследователями Арктики. Все это очень и очень разные люди. Но есть у них общая черта — у них советские характеры.

ГОРДОСТЬ...

Она чувствовалась в каждом слове капитана Мягкова и инженера Тиксинского порта Ефимова, совсем недавно сошедших с институтской скамьи, когда они рассказывали о том, как растет на их глазах порт.

Она была написана на лице тиксинского животновода Ирины Павловны Жидковой, показывавшей нам свое хозяйство. За стеной — трескучая стужа, а в коровнике все дышало обжитым теплом, мирным покоем. Красавицы-холмогорки, могучие, сытые, равнодушно отворачиваясь, всем своим видом показывали, что им не до посетителей, что у них свое дело. И дело серьезное: подопечные Ирины Павловны в минувшем году дали в среднем по 3 500 литров молока, а рекордсменка «Ока» — семь тысяч.

— Теперь мы обязались получить на круг по 3 800 литров, — говорит Жидкова.

Много их, «гордецов», в суровой Арктике! На геофизической станции тиксинской обсерватории нас познакомили с группой молодых ученых. Астроном Юлий Надубович, длинноволосый, с пышными бакенбардами (да простится юноше его «полярное кокетство»!), оперирует электронными приборами и ловит где-то там, в заоблачных высях, всплески полярных сияний, ловит и фотографирует их.

«Цуги! Теллурические токи» — говорит геофизик Эмма Зубарева, быстроглазая северянка в черном свитере. Серьезным тоном учительницы объясняет значение этих слов. Обязанность Эммы — наблюдать за пульсом нашей старушки Земли. В тундре, поодаль от станции, закопаны в почву свинцовые пластины. Они воспринимают токи, зарождающиеся в глубинах планеты, — теллурические токи, которые по проводам передаются на самописцы.

...И НЕУДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ

Неудовлетворенность северян — это решительный отказ довольствоваться малым, когда возможности безграничны.

Пожалуй, самый неудовлетворенный, самый требовательный человек в районе — первый секретарь райкома партии Василий Харлампьевич Вырдылин, сын некогда бесправного якутского бедняка, ленский речник, ныне депутат Верховного Совета СССР.

...Это слово мы услышали из уст Василия Харлампьевича в первый же час нашего знакомства: керамзит. Строительный материал из местных сланцев, легкий, как пенопласт, прочный, дешевый. Это и теплые жилища, так нужные людям, и ячеистая керамика, из которой можно делать надежные портативные печи для оленеводов, рыбаков, охотников. Производство ценного материала в Тикси только налаживается. На местном керамзитовом заводе все находится еще в стадии первых исканий, эксперимента. А между тем в семилетнем плане района уже намечено строительство многоквартирных крупноблочных домов из керамзита. Уже изготовлен переносный домик для оленеводов с дюралевым каркасом, для которого необходима печь именно из керамзитовой керамики. Из тундры все идут и идут настойчивые запросы... И нет покоя секретарю райкома...

Чуть не сотня километров отделяет Тикси от Быкова мыса, крупного рыбопромышленного центра района. Там у людей свои заботы, свои нужды, а нетерпеливость все та же.

— Рыбу ловим. Нужны бочки, а клепки не хватает. Вылавливаем плавник, сушим, готовим клепку из него. Слаба у нас механизация, приходится делать бочки вручную. Подсчитайте, в какую копеечку это нам обходится.

Многое еще нужно Северу. Не хватает жилищ, а недавно возведенные дома не заселяются из-за пустяковых недоделок.

ЕЩЕ О ПЛОТИНЕ БЕРИНГОВА ПРОЛИВА

После оживленного, на глазах растущего Тикси, после домовитого, хозяйственного Кюсюра, прочно усевшегося на ленском берегу, Булун, бывшая столица района, поражает своей тишиной. Не видно тропок в сугробах, не курятся привычные дымы над крышами домов, заколочены окна. Переехала столица ближе к оленьим пастбищам — ушли из Булуна и люди. В городе живут восемь человек, пробавляющихся ловом рыбы на Лене...

Глядя на сегодняшний Булун, немудрено прийти в уныние. Но, оптимистам по натуре, нам хочется поговорить о Булуне по-иному — не о прошлом и настоящем, а о его будущем.

Может быть, это и не тема для путевого репортажа, но пусть наши строки будут хотя бы заявкой на большой, серьезный разговор: **на Лене, у Булуна, нужно строить гидростанцию!**

Не знаем, есть ли в нашей стране другое, более удачное место для ГЭС, чем тут. Булунский створ — это драгоценный дар природы человеку. Могучая Лена, растекающаяся где-то на десятки километров вширь, у Булуна, в своем нижнем, наиболее полноводном течении, сжата до двух-трех километров. Она загнана в створ, в естественную диабазовую трубу. Диабаз справа и слева, диабаз в ложе реки — надежное место для будущей плотины.

Много миллиардов киловатт-часов энергии способна будет давать в год сооруженная здесь гидростанция. Энергия, свет, тепло! Каждому понятно, что это значит для сурового Заполярья! Для порта Тикси и для Сангара, где недавно найдены богатые запасы природного газа, для золотых и угольных рудников, для промышленных центров Якутии, наконец, для почти нетронутых мощнейших залежей оленекского богхеда — камня, который загорается от спички не хуже, чем сухой спирт...

А мысль, не довольствуясь одним сегодняшним, устремляется дальше, в будущее. Многих и многих людей на разных материках взволновало предложение советского инженера о сооружении плотины через Берингов пролив. И если этому смелому проекту когда-то будет суждено стать реальностью, то гигантский источник энергии, необходимый для гигантского строительства, — вот он здесь и только здесь!

Путешествуя по Якутии, мы не раз слышали жаркие речи о ленской гидростанции. И верится: настанет час, когда строительство закипит на берегах реки. Новой жизнью заживет возрожденный Булун.

ОЛЕНЬ И НАУКА

Нам повезло, мы попали в Кюсюр тогда, когда здесь справлялся традиционный День оленевода. На это яркое, красочное празднество колхозники съехались за 300—400 километров, с женами, детьми. Оленьи и собачьи упряжки, заполонившие все междворья, сделали Кюсюр похожим на огромный пастушечий станок, каждую минуту готовый сняться в путь. И действительно, в один из дней Кюсюр, верней, все живое в Кюсюре двинулось за околицу, на снеговой простор: начинались оленьи гонки...

Накануне Дня оленевода в Кюсюре проходил слет передовиков оленеводства. Много интересного, нового узнали мы из выступлений его участников. Почти во всех речах упоминалось слово «наука». Разговор шел главным образом о том, что колхозы, вырастившие огромные стада, нуждаются, как никогда раньше, в помощи ученых.

Работникам Булунской опытной станции, представляющим в Кюсюре науку, пришлось выслушать на слете много горьких истин, суровых упреков. Как могло случиться, что продуктивность оленьего стада опытной станции ниже, чем в средних колхозах района? Почему станция не изучает опыта передовиков?

Слушаешь оленеводов, и становится ясно, что беда не в каких-то частных промахах одной опытной станции. Видимо, назрела необходимость решительно разобраться в состоянии сегодняшней оленеводческой науки.

МОЛОДОСТЬ СЕВЕРА

«Дорогу бурам»! Огромная толпа на поле шарахается куда-то в сторону. Над ней в белесом небе с треском взрывается зеленая ракета — пошел первый заезд буров — рабочих оленей. Длинная шеренга упряжек через секунду рассыпалась. Кто-то вырвался вперед. Чьи-то нарты опрокинулись. Гонщик барахтается в снегу, грозит вслед строптивым оленям.

А в это время самый отважный, самый ловкий гонщик, стрелой промчавшись по дистанции, уже летит назад. Маленькая черная точка мгновенно растет на глазах. И вот победитель на полном ходу, уже за финишем. Все бегут поздравлять героя дня.

Мы бросаемся вместе с толпой, лихорадочно щелкая затворами фотоаппаратов на бегу, что-то кричим вместе со всеми, обнимаем победителей, негнущимися от мороза пальцами записываем их фамилии: «Дмитрий Шахурди, бригадир колхоза «Победа» (то-то доброе имя у колхоза!), Иннокентий Попов, работник опытной станции (ага, станция хоть тут не подкачала!), школьник Илья Тимофеев...». Да, да, школьник, причем он выиграл самый трудный заезд: бег на учахах — верховых оленях.

Вечером того же дня мы встречаемся со школьниками на годовом празднике Булунской средней школы-интерната. Мы слушаем малышей, слушаем старшеклассников, к которым пришли участники слета — колхозные председатели, бригадиры, чтобы потолковать о завтрашнем дне юношей и девушек, о завтрашнем дне своих колхозов. Директор школы Алексей Спиридонович Шадрин рассказывает: почти все знатные люди района, с которыми мы не раз встречались в здешних местах, выпускники их школы. Это руководители колхозов, партийные и советские работники, педагоги...

***

Есть вещи, которые трудно укладываются в записные книжки. В блокнотах наших — факты, имена, цифры. А как запишешь чувства, рожденные этими встречами?! Не так легко найти то емкое слово — слово о сегодняшнем Советском Севере, чтобы оно вобрало в себя и трудовой порыв «гордецов» Тикси, и величавую тишину Ледовитого океана где-нибудь в районе островов Анжу, и горячий ток удивительного празднества оленеводов, в котором отражены черты самого характера людей Якутии, северян.

Н. БОЛОТНИКОВ,
В. ЛИТВИНОВ.

ТИКСИ—БЫКОВ МЫС—КЮСЮР—ЯКУТСК

На оленьих пастбищах. Фото А. Лидова

слушается дело

И СНОВА СУД...

В. ЕЛИСЕЕВА

У ЖЕНЩИНЫ скорбное лицо, тихий голос, настороженные, никому и ничему не верящие глаза. Она говорит, будто бережно, неторопливо укладывает слова в вату. Временами извлекает из пухлой папки какие-то квитанции, потертые конверты, записочки, прочтет вслух, вскинет глаза — а в них что-то приниженное, фальшивое — и, аккуратно разгладив листок, возвращает его в папку.

Я слушаю и временами, как в наваждении каком-то, теряю чувство времени, чувство реальности. Кажется, исчезла за стенами этой тихой квартиры Москва современная, с ее проспектами, огнями метро, высотными зданиями, и поднялась из небытия Москва старая, с Охотным рядом, Тестовским трактиром, извозчиками. Почему-то вдруг всплывают в памяти сцены из «Детей Ванюшина», а то почудится, будто выползет сейчас из какого-нибудь угла леоновский Фаюнин из «Нашествия» — этот обломок старой Руси — и обрадованно захихикает: «Жив-де я, жив!».

Мистика? Тени прошлого?

А разве не мистика, не чудовищный анахронизм, что в центре Москвы, самого светлого города мира, вдруг встретишь островок, где в полной неприкосновенности сохранилась старая, глухая провинция с ее нравами, бытом, интересами?

В самом деле, разве мир, в котором живут сидящая передо мной женщина и ее сын, современен, — мир, который держится на двух китах: незыблемой вере в могущество мертвых вещей и недоверии ко всему живому!

Мне кажется, нет наказания для человека тяжелее, чем власть вещей. Масштабы неважны — будь то миллион в золотой валюте, или одноэтажная дачка под Москвой, или сундук с полуистлевшим добром.

Моя собеседница, рассказывающая мне тихим, ровным голосом историю своих судебных тяжб, внешне интеллигентна и благопристойна. Это нестарая, хорошо еще сохранившаяся женщина. Зовут ее Зинаида Петровна Черная. Излагая историю своих семейных раздоров, она, по существу, повествует о том, как она, З. П. Черная, рабски поклоняясь вещам, принесла этому богу в жертву и себя, и сына. Будь страдающим лицом только она сама, можно было бы сказать: вольному — воля, и поставить на этом точку. Но в тяжбу вовлечено немало действующих лиц, не одно судебное заседание посвящалось разбирательству дел, не стоящих выеденного яйца. А Зинаида Петровна, щедро обеспеченная Советским государством комфортабельной четырехкомнатной квартирой и солидной пенсией (не за свои заслуги, а как вдова), твердо убеждена, что она — лицо страдающее и борется за правду.

У Черной есть сын. Единственный. Но если речь заходит о деньгах или о нескольких метрах жилой площади, Черная дерется за них с той же самозабвенной яростью и ожесточением, с какой вели бы бой наследники приваловских миллионов. И никакие материнские чувства не могут заглушить в Черной трезвого расчета.

Женитьба сына-студента раздосадовала ее не столько тем, что это была женитьба ранняя (какая мать не поняла бы ее в этом случае!), а тем, что это был брак неравный. Невеста без приданого. Рабочая девушка с семилетним образованием. Мезальянс! Молодые были изгнаны из комфортабельной квартиры и лишены родительской помощи.

Но окружающая жизнь никак не укладывалась в рамки мещанской мелодрамы, которую пыталась состряпать З. Черная. Бесприданница не бухнулась в ноги, моля о прощении, молодые не впали в нищенство, а жили и поживали где-то рядом — Вера Туркина (так зовут молодую) работала, Валериан Котович (сын З. Черной) учился, опираясь на помощь жены. Его, Котовича, это пока устраивало.

В этот период родилось первое судебное дело: сын В. Котович — против матери З. Черной. Сын требовал выделения для него с женой любой из четырех комнат. Тяжба кончилась победой матери. Так и не переступив порога родительского дома, Котович по окончании института уехал с Верой в Сибирь.

Во втором акте мелодрамы мама Черная сменила гнев на милость. К этому были свои, вполне прозаические основания: над ней нависла угроза уплотнения. Как выяснилось позже, тревога оказалась ложной. Но кабы знать!

В Сибирь полетели письма: одумался ли сын, разочаровался ли? Если да — его в Москве ждет родительский кров, состоящий из 54 квадратных метров полезной жилой площади, работа — «...у меня есть знакомые, помогут ...напиши официальное заявление... он обещал».

Сын вернулся, но решил взять и жену. Что-то, видно, мешало ему так вот — здорово живешь — оставить человека, на чье плечо опирался он в трудные минуты. В сентябре 1956 года Котович был прописан в квартире матери, а после длительных настояний прописалась и его жена. Из четырех комнат — в 19, 18, 11 и 6 метров молодым была выделена шестиметровая.

Щедрый дар этот Черная обставила такими условиями:

а) молодым запрещалось пользоваться остальной квартирой;

б) не допускалось заводить свои ключи от входных дверей.

Дабы не нарушалось это правило, к двойным дверям, из коих одна оцинкованная, было приделано семь замков.

Молодые взбунтовались. Бунт, правда, носил характер весьма локальный, скромный: они не стали платить денег за шестиметровую комнату.

Родилось второе дело: З. Черная — против В. Котовича. Через нотариальную контору сыну был вручен официальный материнский ультиматум с оплатой гербовых марок:

«Гражданин Котович Валериан Сергеевич! Довожу до вашего сведения, что вы и ваша жена, начиная с мая 1957 года, не оплачиваете квартплату за занимаемую площадь в размере 6,5 кв. м, а всего задолжали в общей сумме 368 руб. 05 коп. Предлагаю к 25 марта 1958 г. погасить задолженность в депозит нотариальной конторы на мое имя. В противном случае я обращусь в народный суд о выселении».

А сын тем временем умолял милицию:

«Прошу вас помочь... Несколько раз, придя с работы, моя жена и я не могли попасть домой из-за отсутствия у нас ключей от квартиры...»

Война так война! З. Черная перешла в новую атаку и обратилась в суд с требованием выселить жену сына — В. Туркину: сын пусть-де остается, а жену — вон!

С точки зрения истицы, доводы она привела архиубедительные: «Туркина прекратила выплату квартплаты... умышленно зажигает свет в дневное время. Уходя, не гасит свет...»

Здесь, на этом заседании, Валериан Котович перед судом и народом, сидящим в зале, обвинял мать: она травит жену, она выгнала его из квартиры, она сдает в наем комнаты, а его лишает спокойной жизни.

Пока в семьях свидетелей обсуждались все перипетии драмы, разыгравшейся на их глазах между матерью и сыном, другие свидетели и другой состав суда слушали уже иное дело: Валериан Котович — против бывшей жены Веры Туркиной. Развод, которого так долго и так упорно добивалась З. Черная, состоялся. Теперь объединились две только что враждовавшие силы: мать и сын.

Будто хлынула дотоле сдерживаемая и таящаяся где-то в глубине души Валериана Котовича мутная, грязная пена, захлестывая все вокруг: отделения милиции, судебные инстанции, приемные прокуроров.

Не Пришибеев, не погрязший в жалобах провинциальный чинуша, а человек с дипломом советского инженера строчил и строчил заявления, которые и читать-то стыдно, так они мелки, никчемны, грязноваты. Все это ради одного: присоединить к пятидесяти метрам и те шесть метров, в которых время от времени появляется бывшая жена.

Все помыслы свои, досуг, душевные силы этот человек с дипломом инженера отдает делам судебным. То он требует выселения жены, ибо в ее комнате «ночует без прописки незнакомая женщина». То обвиняет Туркину в аморальном поведении: «сам видел через щелочку, мною проделанную в дверях (так и говорит, не отводя глаз и не краснея), как сидела она на диване с неким мужчиной». То заставляет суд дважды проводить заседания по делу о взыскании с бывшей жены пятидесяти рублей за электроэнергию, хотя собственноручно перерезал провода в шестиметровую комнату и никакой электроэнергии туда не поступало.

Как-то трудно представить себе, что этот человек, превративший квартиру в некий дзот, живот свой положивший за каждый сантиметр жилой площади, что этот человек существует среди нас, шагает рядом с теми, кто радуется взлету спутников, вливается в бригады коммунистического труда, дружески приветствует Гаганову, увлеченно мечтает о будущем.

Вот он сидит передо мной, молодой человек, и я вижу те же глаза, что у матери, — настороженные, ничему и никому не верящие. Для Котовича не существует таких понятий, как справедливость, объективность, честь. С его языка то и дело срывается: «продался», «купили», «переметнулся». Любой объективный и справедливый поступок человека, будь то судья, прокурор, сосед, свидетель, — если этот поступок или решение не совпадают с его, Котовича, интересами, получает одно определение: продался.

Ему трудно понять, как это человек может пренебречь выгодой, меркантильными соображениями.

Знакомясь с историей судебных тяжб семьи Черной — Котовича — а тяжб подобных в судах немало, — неотступно думаешь все об одном: как рождается такое вот на советской почве? Как это живущий в наших условиях человек, выросший и воспитанный в нашей стране, вдруг предстает этаким оборотнем.

Откуда он такой?

Мне вспомнился маленький эпизод, происшедший в отеле небольшого итальянского городка. Мы, группа советских туристов, отдыхали в холле после какой-то утомительной поездки.

— Что если, — сказал один из туристов, оглядывая нас озорными глазами, — что если выйдет сейчас владелец этой роскошной гостиницы и скажет: господа советские туристы! Пусть кто-нибудь из вас возьмет в дар от меня этот отель со всем имуществом, доходами и прочее, прочее. Дарю! Нате!

Говоривший торжествующе оглядел наши смеющиеся лица, рассмеялся сам и заключил: — Вот удивится-то! Ведь никто не возьмет. Ни один! А!

В холл влилась новая группа туристов — загорелые молодые люди из заокеанских стран. Мы переглянулись, и почти одновременно у всех мелькнула одна и та же мысль: а из них ведь никто не отказался бы от этого дара. Ни один! Мы подумали так не потому, что считали их хуже, а себя лучше их. Просто мы были совсем иные. Из иного мира.

Но этот сидящий передо мной молодой человек — он-то рос и воспитывался не в заокеанской стране. Откуда он такой? Горько признавать, но думается, что в том единоборстве, которое шло, не обнаруживая себя, между матерью и школой, между семьей и педагогическим коллективом, перевес взяла З. Черная. Она одержала победу. К сожалению, бывает и так.

Нет, разумеется, она не твердила ему: будь обывателем, будь мещанином, будь рабом, никому не верь! Неприметно для глаз проходит в иных семьях подобная «воспитательная работа», разрушающая в человеке человеческое. Сегодня ироническое замечание о трудовом подвиге: «так и поверили — факт, ловкач!» Завтра почтительно удивленный отзыв о хапуге — «отгрохал все-таки дачку за государственный счет». На следующий день разговор о выгодных и невыгодных профессиях. Так день за днем, личным примером, словами, мыслями воспитывается в такой семье наследник — наследник того отжившего старья, что именуем мы пережитками прошлого. Так день за днем отравляется в такой семье ребячья душа, и когда в этой душе поселяется червь неверия, он пожирает в ней все светлое, окрашивая мир в одни уныло-серые тона. А от неверия — прямой путь к цинизму, к девизу «все позволено» и ниспровержению элементарных этических норм.

Вот и вырос Валериан очень похожий на З. Черную. Он считает в порядке вещей, взяв у матери взаймы деньги, тут же настрочить ей расписку: «Получено у мамы З. П. Черной триста рублей...». Его не удивляет, что в доме ведется дневник, в который со скрупулезной дотошностью вносятся такие события дня: «В. Туркина пришла в десять часов. Тряхнула в ванной коврик...» Узнав, что в редакции есть какой-то материал, связанный с его, Котовича, судебными делами, он пришел на разведку и долго ждал в вестибюле прихода товарища: только с ним вместе вошел он в кабинет — все-таки свидетель!

Тридцать восемь раз собирались судьи и народные заседатели для разбора новых и новых вариантов чудовищной по своей никчемности тяжбы. Сорок четыре свидетеля, оставляя работу, часами просиживали в коридорах суда, чтоб подтверждать или опровергать никому не нужные факты. Облеченные народным доверием люди выносили именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики решения, обязывающие Черную к тому-то и тому-то, а на следующий день все повторялось снова.

Нет, что-то явно непредусмотрено в нашем законодательстве, самом демократичном и гуманном! Нельзя, чтобы наши демократизм и гуманность использовались любым сутягой во зло.

Ведь ясно и судье, и народным заседателям, и сидящим в зале, что пора, давно пора провести один заключительный процесс над теми, кто ведет эту бесконечную тяжбу, над теми, кто повинен в одном из самых удручающих грехов — в грехе сутяжничества. Посадить бы их на скамью подсудимых и судить со всей строгостью закона за расхищение времени у десятков людей, за спекуляцию законодательством, за корыстолюбие и бесчестие, за воинствующее мещанство!

Нельзя это сделать в суде — не подберешь соответствующей статьи, — так надо, чтоб была такая статья. Но пусть и суд общественности возьмет на себя этот тяжкий, благородный труд борьбы с теми, кто вносит в нашу светлую, чистую атмосферу нравы и дух старой, замшелой мещанской провинции!

А пока в судебном зале вновь оглашается: слушается дело...

ПРОБЛЕМЫ драматургии

СЕГОДНЯ В НАШЕМ ОБСУЖДЕНИИ ВЫСТУПАЮТ **Ю. Зубков** и **М. Крушельницкий** ✻ Следующее слово будет предоставлено А. Спешневу ✻ Эдуардо де Филиппо — О СОВРЕМЕННОМ ИТАЛЬЯНСКОМ ТЕАТРЕ ✻ ГЕРОИ НА СЦЕНЕ И НА ЭКРАНЕ

ВЫСОТА НРАВСТВЕННОГО ИДЕАЛА

Ю. ЗУБКОВ

ОЗНАЧАЕТ ЛИ отсутствие разрыва между идеалом и действительностью, характеризующее советское искусство, в то же время и отсутствие **драматизма** в нашей эпохе, в нашей жизни? Устарели ли слова Горького о том, что «мы живем в эпоху, глубоко, небывало, всесторонне драматическую, в эпоху напряженного драматизма процессов разрушения и созидания»?

Нет, не устарели. Почти тридцать лет отделяют нас от этого утверждения Горького.

Конечно, за это время во многом изменился характер конфликтов, характер и соотношение процессов разрушения и созидания, но не исчезли конфликты, не исчез напряженный драматизм эпохи. И было бы неверным полагать, что по мере продвижения нашего общества к коммунизму драматургия будет все больше терять питательную почву в жизни и со временем как род искусства исчезнет совсем.

Справедливо утверждая, что «советская действительность насыщена драматизмом», что «конфликты и противоречия нашего времени стали многообразнее и сложнее», А. Анастасьев в статье «Драма и современность» пишет: «Советский драматический писатель, пишущий о наших днях, знает, что существующая в действительности борьба нового со старым венчается победой нового».

И чуть ниже:

«...Новый характер нашей общественной жизни выдвигает перед драматургом, по-прежнему связанным необходимостью острого драматического конфликта, диалогом и сценическим временем, новые трудности: сколь бы ни была остра борьба, новое, передовое, справедливое победит, ибо его, это новое, поддерживает партия, государство, поддерживает народ».

Да, это — аксиома: новое, передовое, справедливое побеждает. Однако разве победа нового над старым есть особенность только нашего времени, нашего общественного строя, а не является существеннейшим законом и важнейшей характерной чертой поступательного движения всего человеческого общества на всем протяжении его существования?

Или, применительно к искусству нашего времени, А. Анастасьев имеет в виду лишь и непременно победу, так сказать, юридическую, выражающуюся в снятии под занавес обюрократившегося директора с работы, исключении перерожденца из партии, увенчании новатора премиями и букетами? Не оказывается ли в таком случае наш критик в ряду тех теоретиков и писателей, которые, по его собственным словам, совершенно неправомерно и необоснованно отрицают «возможность трагического жанра в советской драматургии»? Хотя, — оговорю особо, — вероятно, не это, не отрицание возможности трагического жанра в советской драматургии, представляет сегодня для нее и для ее теории самую большую опасность.

Обратимся к опыту нашей драматургии, хотя бы к некоторым ее произведениям, и попытаемся разобраться, в чем же их сила, пленяющая и покоряющая зрителей, — в том ли только, что новое побеждает в них **юридически, формально**, или в том, что оно прежде всего побеждает **нравственно, морально, политически?**

Вспомним «Чудака» А. Афиногенова, пьесу, написанную в конце 20-х годов. Герой пьесы — энтузиаст социалистического строительства Борис Волгин с юридической, формальной точки зрения терпел поражение. Торжествовал карьерист Горский: ему доставались и выдвижение по службе, и женщина, которую любили они оба. Однако нравственная победа оставалась за Волгиным. И не только за Волгиным. Но и за советской действительностью в условиях которой Горские могут одерживать лишь временные, краткосрочные, частичные успехи и неизбежно обречены на полный и бесповоротный крах.

Вспомним произведения последнего времени — «Ивана Буданцева» В. Лаврентьева, «Барабанщицу» А. Салынского, «Два цвета» А. Зака и И. Кузнецова. Герои этих пьес или умирают в финале, как председатель колхоза Иван Буданцев, или гибнут на посту, как комсомольцы Нила Снижко и Шурик Горяев. Нравственная же, моральная, политическая победа бесповоротно остается за ними, за нашим социалистическим строем, во имя и ради которого они и гибнут.

Но, конечно же, было бы неверным выдавать трагический способ разрешения конфликта в наших условиях за единственный, универсальный, преобладающий. Ничтожный Аркадий терпел поражение — выходил победителем Платон Кречет. Новаторски мыслящий и действующий полководец Огнев сменял на посту командующего генерала Горлова, руководившего боевыми операциями шаблонно и рутинерски. Не карающей совести войны — полковнику Березкину, не прекрасным, чистым и душевно ясным Марье Сергеевне и Марьке приходилось скрываться и бежать из родного города, а трусу и перерожденцу Щелканову... Но чем пленяли и пленяют зрителей эти образы и произведения, чем прежде всего покоряют они нас? Конечно же, прежде всего моральным развенчанием зла и моральной победой добра, нравственной победой нового.

Да, победа нового в нашем обществе поддержкой партии, государства, народа значительно облегчается. Но ведь и задачи, стоящие перед обществом, которое вступило в период развернутого строительства коммунизма, выросли, усложнились, стали многообразнее. А кроме того, и противник, носитель и поборник старого, стал хитрее, увертливее. Нормы общественного поведения стали таковы, что зло вынуждено у нас маскироваться под добро. И, между прочим, делает это, порой, весьма успешно! Ложь маскируется под правду. Уродство — под красоту. И разве не увлекательнейшая задача, задача, исполненная огромной драматической силы, срывать с носителей зла обличье красивых и искусно подогнанных фраз, поступков, разоблачать их и нравственно осуждать?!

И в этой связи характерно следующее: кто повинен в гибели героев пьес Лаврентьева, Салынского, Зака и Кузнецова? Не только неизлечимая болезнь сердца и годы Буданцева, но и чиновник-сухарь с партийным билетом в кармане Задорожный. Не только фашистский разведчик Мика Ставинский, стрелявший в юную барабанщицу, но и бессердечный, близорукий педант Чуфаров, носящий в кармане советский паспорт. Не только хулиганы и бандиты Глухарь и Глотов, но и равнодушный, трусливый краснобай юрист Родин, призванный стоять на защите интересов и прав человека.

Люди, подобные Чуфарову и даже Родину, никогда бы не смогли занять в нашем обществе сколько-нибудь заметное положение и совершать свои неблаговидные, вредные для окружающих поступки, если бы не прикрывались именем государственных, партийных интересов, если бы не действовали от лица правды и добра, красоты и справедливости, к которым они на самом-то деле имеют отношение весьма отдаленное.

Надо уметь увидеть схватку добра со злом, напряженный драматизм в самой что ни на есть повседневной действительности, уметь с позиций и в интересах коммунистического строительства **осмыслить** все увиденное, отобрать факты и верно осветить их, достойно воплотить в живые и конкретные **художественные** образы.

Сделать все это, разумеется, нелегко.

Но почему все-таки конфликт в нашей драматургии «не представляет собою решительной, обоюдоопасной, полной смысла и содержания борьбы?»

Поставив этот вопрос, А. Анастасьев так отвечает на него: «Мне кажется, дело здесь в том, что искусство неправомерно уподобляется жизни, правда действительности отождествляется с художественной правдой».

Верна ли эта мысль?

И сам Анастасьев и полемизирующий с ним в статье «Характер и конфликт» Гурген Борян верно указывают на опасность и вред иллюстративности.

Подчеркнуть эту опасность и важно, и необходимо. Ибо эта опасность, как и опасность шаблона, — реальная. И необходимо подчеркнуть ее вот еще почему. В статьях иных критиков появилось уподобление реализма «слепку с действительности». Нет нужды ходить за примерами далеко. В февральском номере журнала «Театр» В. Шитова и В. Саппак в статье «Борис Равенских и его манифест» обвиняют Равенских в посягательстве на основы реализма на том основании, что он возражает против того, чтобы «воспроизводить жизнь стенографически точно» и «тащить на сцену все подряд».

Убого же понимаются в данном случае основы реализма! И возражая против подобного «понимания», А. Анастасьев вполне прав.

Но когда критик пытается раскрыть содержание своего утверждения о неправомерности отождествления правды действительности с правдой художественной на конкретном примере с подвигом Валентины Гагановой и возможными драматургическими решениями этой темы, тогда обнаруживается несостоятельность выдвинутого им тезиса.

На основании чего пришел автор статьи «Драма и современность» к заключению, что Гаганова в Вышнем Волочке и ее многочисленные последователи в других местах действовали и действуют в некой бесконфликтной, стерилизованной среде, что на своем пути они не сталкиваются с людьми, в характерах которых выражены не только зависть, своекорыстие, мещанская озлобленность, но и желание жить согласно правилу «моя хата с краю», стремление уйти от драки, от борьбы за новое? Разве не служит благородный поступок Валентины Гагановой, явивший **норму** поведения человека, строящего коммунистическое общество, острым укором тем, кто и сегодня превыше всего ставит **свой личный** успех, **свое личное** благополучие? Разве нет во всем этом подлинного и напряженного драматизма?

Прав Гурген Борян! Причину многих неудач нашей драматургии следует искать не в отождествлении правды жизни с правдой художественной. Ее надо искать в том, что художественная правда в иных пьесах оказывается неизмеримо ниже, беднее и тусклее правды действительности.

Не исключена, вероятно, возможность появления и иллюстративной пьесы о подвиге Гагановой. Однако несравненно большую тревогу вызывает возможность появления пьесы, где подвиг и образ Гагановой будут **измельчены**, где большая правда жизни окажется подмененной маленькими правденками, лишь нескромно выдаваемыми за правду действительности. Но правда жизни и правда искусства из этих правденок так и не сложатся, как не сложится хорошее, правдивое зеркало из осколков битого стекла.

Ни для кого не секрет, что одни и те же факты действительности можно поразному видеть, понимать и освещать. Те, например, факты, которые А. Арбузову послужили материалом для пьесы о рождении новой, коммунистической нравственности, другому — несравнимо менее зоркому писателю — послужили бы материалом для пьесы душещипательной, слезливой, сентиментальной. Существеннейшая разница между авторами «Пяти вечеров» и «Иркутской истории» состоит, на мой взгляд, прежде всего в том, что первый не поднимается над банальностью рассказанной им истории, а второй поднимается к глубоким и содержательным, интересным и значительным обобщениям и, смело взрывая привычные представления, выступает, как истинный художник-новатор.

Однако вот один факт — о нем в печати уже говорилось — из биографии Гагановой. Вскоре же после того, как Валентина перешла в отстающую бригаду, она заболела, и ни одна из новых подружек по работе не пришла ее навестить. Разве этот факт, даже взятый изолированно от других фактов, не полон истинного, напряженного драматизма? Разве не содержит он в себе скрытой энергии подлинно драматической схватки и борьбы? Но если один художник прольет на основании этого факта слезу о человеческой неблагодарности и жалобно повздыхает у постели больной, то другой сумеет увидеть в этом факте схватку резко определенных, крупных человеческих характеров, сумеет извлечь из него идеи большого, широкого, **общественного значения.**

Это ведь очень показательно, что «кочка зрения», с которой взирают на жизнь иные драматурги, не только лишает их широты обзора, не дает возможности уловить и понять взаимосвязь, существующую между самыми различными фактами действительности, но и не позволяет проникнуть в глубь, в существо явления.

Не могу в этой связи не высказать своего удивления по поводу некоторых положений статьи В. Плучека «Поставлено в 1960-м...», не могу не возразить ему самым решительным образом.

Не звучат ли его рассуждения об узких брюках и рубахах навыпуск, об автоматах с «газировкой», откровенно говоря, профанацией понятия «современность», даже применительно к одной лишь сравнительно узкой области бытовой эстетики? Неужели, действительно, в этом можно увидеть истинные приметы **современного социалистического** города, отличающие его кардинальнейшим образом от городов капиталистического мира?

И нет ли элементов случайности или предвзятости в подборе тех имен писателей, которые, по мнению Плучека, «особенно чутки к современным веяниям», о писателях, чей «психологизм продиктован хорошим слухом и острым глазом».

Я ничего не имею против кого-либо из названных им писателей. Не хочу преуменьшить их дарования, чуткость к особенностям сцены, искреннее стремление ставить острые вопросы дня, возбуждать в зрителе желание задуматься над решением этих вопросов. Но я не понимаю, как можно говорить о молодом драматурге Володине, явно страдающем близорукостью и дальтонизмом, не оказывая ему при этом медвежьей услуги, как о драматурге «особенно чутком к современным веяниям»? Я не понимаю, руководствуясь какими, творческими ли, иными ли соображениями, можно выделить из всей массы советских драматических писателей Л. Зорина и С. Алешина, как особенно чутких и зорких «к современным веяниям», и забыть при этом о Погодине и Леонове, Штейне и Корнейчуке, Софронове и Мдивани, Штоке и Салынском, Чепурине, Финне и Лаврентьеве, о многих драматических писателях разных поколений? Не понимаю! Как, впрочем, не понимаю и то, что, говоря об основоположниках традиций советской драматургии, В. Плучек забыл о... Горьком! Странная забывчивость! Вряд ли она способствует делу сплочения сил советской драматургии.

Могут спросить, какое все это имеет отношение к вопросу о драматическом конфликте? Прямое, непосредственное. Называя одних драматургов и «забывая» других, не лишает ли В. Плучек понятие «конфликта» его бесконечного многообразия, получающего воплощение в творчестве драматургов, самых разных по своим индивидуальностям?

Возвращаясь к вопросу о воплощении подвига Валентины Гагановой средствами искусства драмы, считаю необходимым обратить особое внимание еще на одну сторону. Говоря о драматизме, заключенном в фактах действительности, непосредственно связанных с патриотическим поступком Гагановой, я вовсе не отрицаю возможности и плодотворности произведения, в котором эти факты рассматривались бы в сопоставлении и столкновении с фактами жизни, непосредственно с подвигом Гагановой не связанными. Я отнюдь не исключаю возможность появления произведения, в котором героиня, чьим прообразом является Гаганова, вступала бы в ожесточенную схватку с выразителями и поборниками глубоко ей чуждых взглядов, работающими в совершенно иных областях жизни. Всякие умозрительные ограничения и рецепты в области искусства могут принести не пользу, а только вред.

Но я глубоко убежден, что самая высокая, благородная тема может не получить достойного воплощения в искусстве не в силу отождествления правды действительности с правдой художественной, а в силу шаблонного, поверхностного ощущения этой правды действительности.

Как определил на июньском Пленуме ЦК КПСС Н. С. Хрущев смысл подвига Валентины Гагановой?

«Ценность и благородство поступка этого человека в том, — сказал Н. С. Хрущев, — что не материальная заинтересованность толкнула ее на такой шаг, а идея, идейная преданность коммунистическому строю».

И это — главное!

Не в том ли одна из бед нашей драматургии, бед, порождающих, в частности, и бесконфликтные пьесы, что мы мало видим в ней «людей, — как говорил Горький, — крупных, характеров резко определенных, людей, одержимых одной страстью», и при всем том характеров **обыкновенных**, советских.

Конечно, если воспроизвести на сцене только то, как Гаганова или ей подобная девушка стоит у станка, обучает и наставляет своих помощниц, и не проникнуть при этом ни в суть ее поступка, ни в глубины ее характера, — тогда ни подлинного конфликта, ни подлинного драматического напряжения, ни подлинного образа нового человека нашего времени не возникнет, ибо не будет передано и раскрыто главное — глубина и сила преданности героини коммунистическому строю, не будет выражен **нравственный идеал времени и общества.**

Ну, а если драматург сумеет раскрыть и передать это **главное**, — и не отвлеченно, а в конкретных поступках конкретного человеческого характера, — сумеет столкнуть этот характер с противником, одержимым своей идеей и страстно отстаивающим эту идею (ибо он считает ее разумной ли, справедливой ли, выгодной ли), противником активным, действующим, тогда-то, вероятно, и возникнет в пьесе истинно драматический конфликт, родятся крупные характеры, тогда-то мы встретимся с произведением, в котором высокая идея будет обладать силой подлинной эмоциональной заразительности.

«Драма верна жизни тогда, — пишет в заключение статьи «Драма и современность» А. Анастасьев, — когда она верно выражает существенные стороны духовной жизни современника». Это верно и справедливо! Но только не опасность отождествления правды жизни и правды искусства угрожает нашей драматургии. Иные опасности — узкого или поверхностного понимания правды жизни, неумения воплотить ее в искусстве средствами подлинно художественными, шаблонный подход к действительности, шаблонные художественные решения... И все эти опасности, в конечном счете, связаны с отрывом художника (речь идет, разумеется, о талантливом художнике, а не о ремесленнике!) от действительности, от правды жизни, в основе которой лежит величие нравственного идеала нового человечества, беззаветная, самоотверженная преданность нового человека идее и делу коммунизма.

ГЕРОИ НА СЦЕНЕ И НА ЭКРАНЕ

Нила Снижко — артистка Л. Фетисова («Барабанщица» в ЦТСА)
Фото И. Ефимова

Павлина Хуторная — артистка Ю. Борисова («Стряпуха» в театре имени Евг. Вахтангова)
Фото М. Чернова

Алеша Скворцов — артист В. Ивашов (Фильм «Баллада о солдате»)

Надя Берестова — артистка Н. Румянцева (Фильм «Неподдающиеся»)

БЫТЬ МАСТЕРАМИ СВОЕГО ДЕЛА

НА ПЛЕНУМЕ правления Союза писателей будет, конечно, поставлено много вопросов. Острых, насущных для нашей драматургии. Мне кажется, что одним из них должна явиться проблема драматургического мастерства. И пускай об этом уже написано много статей, сказано немало правильных и нужных слов. Проблема эта, к сожалению, далеко еще не решена. Она остается одной из самых тревожных.

За последнее время мне довелось познакомиться с немалым числом новых пьес. И чем больше их читаешь, тем больше убеждаешься в том как порой недостает нашим писателям знания своего дела, проникновения в драматургию. В тайны сценического мастерства.

Ведь как бывает: открываешь первую страницу пьесы, и сразу загораются глаза: какая интересная завязка, как точно схватил драматург то, чем живет наша страна сегодня, сейчас. Но проходит картина за картиной, и авторское строение рассыпается, словно карточный домик. Зорко и точно увиденные приметы времени так и остаются отдельными фразами, словами: они никак не претворяются в действия, в столкновения героев. А может ли существовать драма без острой, напряженной борьбы? Конечно, нет. И это всем известно. Станиславский однажды удивительно точно сказал, что в нашей актерской профессии понять — значит и почувствовать. Это относится в полной мере и к драматургам.

Что необходимо драматическому писателю? Талант. Без этого в искусстве нельзя ступить и шагу. Но, поверьте, как бывает досадно, когда приходит в театр несомненно одаренный человек с острым глазом, со своим видением мира, а руки его точно связаны, потому что многие секреты драматургического мастерства ему невдомек. Особенность нашей актерской, режиссерской профессии в том, что мы все время как бы держим перед зрителями экзамен. И сколько бы тебе ни было лет, какие бы ты ни имел почетные звания каждый раз, когда открывается занавес и начинается спектакль, это для тебя — испытание, проверка. А ведь на экзамен, если не хочешь провалиться, не рискнешь явиться неподготовленным, спустя рукава. А вот у наших молодых драматургов порой возникает какая-то досадная самоуверенность, преждевременная маститость, явно мешающая им, задерживающая их движение вперед.

И не раз, когда я беседовал с тем или иным драматургом, спорил, убеждал, мне вспоминалось, как работал и работает Александр Корнейчук, с которым уже столько лет мне выпало счастье идти рука об руку на сцене. Ведь кажется, сколько уже пьес и премьер позади, а как тревожно, трепетно, словно впервые, выпускает он в жизнь каждую свою новую работу. Как неустанно и беспокойно ищет самое точное, самое емкое, самое поэтичное слово, как упрямо и упорно оттачивает каждую сценическую ситуацию. Как снова и снова проверяет, испытывает найденное, безжалостно отбрасывая то, что еще вчера казалось интересным.

И не работай он так, никогда бы не познакомились мы ни с хирургом Платоном Кречетом, ни с председателем исполкома Берестом, ни со старым шахтером Макаром Дубравой, ни с председателями колхозов Галушкой и Чесноком, чьи имена стали нарицательными на Украине.

И когда наблюдаешь, как работает этот настоящий мастер своего дела, то убеждаешься еще в одном: драматургу недостаточно владеть, пусть даже в совершенстве, суммой тех или иных сценических приемов. Настоящая удача приходит к автору только тогда, когда работа над пьесой одухотворена ясной и определенной целью, высокой общественной задачей.

Долгие годы преподавания в театральном институте выработали у меня привычку: когда я читаю пьесу, то прежде всего стремлюсь ответить себе на вопрос, о чем она?

И вот несколько лет тому назад один уважаемый автор приносит мне свое новое произведение. Я читаю пьесу раз, другой. Думаю о ней целый день и не могу ответить на этот элементарный школьный вопрос. Мне стало как-то не по себе. И я позвонил драматургу, надеясь получить, наконец, ответ. Он, признаюсь, удивился и тут же пожелал приехать в театр. Мы проговорили, проспорили около четырех часов. Я сказал ему: если я что-то не понял, не разобрался, ругайте меня, учите, но раскройте мне эту загадку. Он же был убежден, что я шучу, и все повторял с чуть снисходительной улыбкой: ведь в пьесе же все написано. И только в самом конце разговора он признался, что ответить на этот вопрос тоже не может.

— Как же вы писали? — не выдержал я. — Ради чего? Что цементировало здание вашей пьесы?

Так что, как можно убедиться, проблема мастерства связана не только с вопросами формы.

И еще об одном хотелось сказать: о требовательности драматурга к себе. Я высоко ценю принципиальность писателя, его упорство при защите своих позиций в спорах с постановщиком, с художественным советом театра. Но не оборачивается ли порой эта стойкость равнодушием, творческой леностью? И когда разговариваешь с иным автором, подчас так и вертятся на языке известные гоголевские слова: «Для иного, может быть, нужно меньше, а для иного и еще больше. Я делаю восемь раз. Только после восьмой переписки, непременно собственною рукою, труд является вполне художнически законченным...»

И хочется иногда привести слова еще одного нашего классика — Льва Толстого: «Напиши Гоголь свою комедию грубо, слабо, ее бы не читали и одна миллионная тех, которые читали ее теперь. Надо заострить художественное произведение, чтобы оно проникло. Заострить и значит сделать ее совершенной художественно..»

М. КРУШЕЛЬНИЦКИЙ,
народный артист СССР

КИЕВ

ГОТОВЯСЬ К ПЛЕНУМУ

Вчера состоялось заседание комиссии по драматургии Союза писателей РСФСР. Был обсужден вопрос о подготовке к пленуму правления Союза писателей СССР (как уже сообщалось, этот пленум посвящается проблемам драматургии театра, кино и телевидения). Во вступительном слове председатель комиссии А. Софронов говорил о необходимости для всех драматургов Федерации максимально содействовать успеху предстоящего пленума. В обсуждении приняли участие Ц. Солодарь, Е. Сурков, Д. Щеглов, И. Шток, Л. Шейнин и другие. С сообщением о ходе подготовки к пленуму выступил секретарь правления Союза писателей СССР А. Салынский. Затем комиссия рассмотрела вопрос о подготовке к Всероссийскому семинару драматургов, который откроется 1 апреля.

Эдуардо де Филиппо обвиняет

ИЗВЕСТНЫЙ итальянский драматург Эдуардо де Филиппо опубликовал на страницах газеты «Пэзэ сера» открытое письмо министру Тупини.

В своем письме де Филиппо выражает большую тревогу по поводу положения в современном итальянском театре. По его мнению, ни в одной западноевропейской стране театр не находится так близко к гибели, как в Италии. «С ужасом думаю я о пустоте, которая с каждым годом все ширится вокруг итальянского театра. Статистика показывает, что, десятки тысяч итальянских зрителей навсегда покидают театр и никто не приходит на их место».

Я уже нахожусь в конце своей карьеры, пишет де Филиппо. Я доволен тем, что мне удалось сделать, хотя много жертв мне пришлось принести и много горечи испытать. Я ничего не прошу для себя, хотя мое экономическое положение и не является таким уж процветающим (вместо того чтобы строить виллы или приобретать яхты, я пожелал восстановить знаменитый театр, разрушенный во время войны, и для осуществления этой «роскошной затеи» все мои авторские права на много лет переданы банкам). Я говорю лишь потому, что считаю это своим долгом и не могу вынести мысли, что вместе со мной умрет и театр моей страны!

В чем же причина упадка итальянского театра? Виновник такого положения, по мнению де Филиппо, — государство.

По словам де Филиппо, вместо того чтобы дать возможность самим деятелям сцены заняться переустройством театра, правительство отдало управление театральными делами в руки людей некомпетентных, беспринципных дельцов наживы. Театральные программы построены согласно вкусу немногих представителей привилегированных классов. «Стремление сделать из нашего театра место отдыха, чуждого проблем, тревог, надежд, человечности... равноценно стремлению уничтожить самые корни театра».

На вопрос, каково в Италии положение драматурга, де Филиппо отвечает: совершенно бесправное. Он зависит и от руководителя труппы, и от режиссера, а еще больше от администратора. Поэтому-то в Италии так мало драматургов, это самая невыгодная профессия сегодня. Гонорар драматурга за пьесу, проданную им какой-либо труппе, не покрывает расходов на поездку в другой город, чтобы присутствовать на премьере.

Не в лучшем положении находятся и актеры. Как и драматург, они полностью зависят от милости ставленников правительства, людей, чуждых театру, совершенно некомпетентных, спекулянтов и паразитов. «Театр — это драматург и актер, но ни драматург, ни актер не имеют права голоса в нем». Только они могли бы спасти театр, а вместо этого лишь присутствуют чуть не зрителями во всевозможных скандальных делах, которые постоянно разыгрываются вокруг подмостков.

Де Филиппо спрашивает, почему руководство театральными труппами находится в руках людей несведущих, в руках «администраторов». «Я так уверен в правоте своих утверждений, что приглашаю всех этих синьоров показать свои документы. Это формальное приглашение, — пишет де Филиппо, — исходит от человека, документы которого в полном порядке, от человека, который имеет право называться драматургом, — скоро выйдет третий том, объемом в 600 страниц, моих комедий на родном языке, не говоря уже о переводах тех же комедий во многих странах; имеет право называться актером — я начал выступать на сцене, когда мне было семь лет, и еще не кончил; имеет право называться руководителем труппы — им я работаю с 1929 года, в последние годы у меня даже не одна, а две труппы; имеет право на звание импрессарио — я построил на свои заработки драматурга, руководителя труппы, актера и режиссера один из самых больших и современных театров Италии и лично управляю им; имеет право на звание режиссера — еще одна профессия, в которой, мне кажется, я достаточно сведущ».

В том, что до сих пор все вопросы, поднятые автором письма, не стали еще предметом обсуждения, де Филиппо видит только одну причину — боязнь.

«Может быть, я единственный не подвержен этой боязни, — говорит де Филиппо в заключение письма, — потому что мне нечего бояться. Поэтому я и счел своим долгом разорвать этот круг молчания».

ГЕРОИ НА СЦЕНЕ И НА ЭКРАНЕ

Валя — артистка С. Мизери («Иркутская история» в театре имени Вл. Маяковского)
Фото М. Трахмана

Сцена из спектакля «Иркутская история» в театре имени Евг. Вахтангова
Фото А. Гладштейна

«Сибирь в стройке». Художник И. Агапов

«Поднимающий знамя». Художник Г. Коржев

«Наши будни». Художник П. Никонов

«Строительница» (гранит)
Скульптор Л. Кремнева

ОБСУЖДАЕМ ПРОИЗВЕДЕНИЯ, ВЫДВИНУТЫЕ НА СОИСКАНИЕ ЛЕНИНСКИХ ПРЕМИЙ

МУЗЫКА, ВДОХНОВЛЕННАЯ БОЛЬШОЙ ПОЭЗИЕЙ

НЕ ТАК ДАВНО один очень уважаемый поэт утверждал, что стихи Маяковского по самой своей природе непригодны для переложения на музыку. Примерно в те же дни тысячи любителей музыки — по радио и в концертных залах Москвы — с увлечением слушали новое произведение композитора Георгия Свиридова — «Патетическую ораторию» на слова Маяковского.

И оказалось, что миф о «немузыкальности» Маяковского основан на обидном непонимании того, какие безграничные возможности таит в себе истинно творческий синтез музыки и поэзии. Правда, для воплощения стихов Маяковского необходима музыка смелая, новаторская, способная передать их чеканную мощь и митинговый пафос. Гладенькая «красивость», удобные музыкальные шаблоны здесь не прозвучат никак: нужны гиперболически плакатные оркестровые образы, звонкие, ораторски убеждающие декламационные приемы. И это верно почувствовал Георгий Свиридов. Могучие — словно на всю вселенную — набатные звучания захватывают слушателей в первом же эпизоде оратории. Ослепляет силой и яркостью ликующая мелодия финала, будто само солнце, сверкая буйством красок, шумно и радостно вваливается в концертный зал. Да, так и нужно петь о титанических делах нашей современности — щедро, «во весь голос», не скупясь на звуковые средства и краски!

Но Свиридов сумел услышать в стихах Маяковского не только гром набата и властные призывы «агитатора, горлана-главаря»; он раскрыл в них и те проникновенные черты, которые оставались незамеченными многими композиторами, ранее обращавшимися к Маяковскому: скромный русский распев, лирическое раздумье. Отдельные эпизоды оратории приобретают характер реалистических картин, близких оперному действию. Музыка всякий раз привносит в них нечто новое, дополняя и дорисовывая поэтический образ, созданный Маяковским.

Так удивительно просто, в духе бытовой зарисовки решен, к примеру, эпизод «Здесь будет город-сад», основанный на скромном песенном образе. Но сколько здесь живых ассоциаций с нашей кипучей современностью, озаренной еще более смелыми мечтами о будущем! Очень свеж и необычен эпизод «Разговор с товарищем Лениным», в котором композитор счастливо избежал какой-либо декларативности: это дружески доверительная беседа с самым близким человеком, беседа, исполненная глубокой сердечности, раздумчивая...

Совсем иной мир образов воплощен в вокально-симфонической поэме Г. Свиридова «Памяти Сергея Есенина». Две эпохи — Русь уходящая, убогая, нищая и Русь новая, революционная — сталкиваются лицом к лицу в этой волнующей музыкальной повести. Думы об исторических судьбах русского крестьянства сплетаются в поэме с изображением личного мира Сергея Есенина, поэта тончайшей души, горячо преданного родной России. Произведение Свиридова словно полемизирует с теми недальновидными людьми, которые видели в Есенине либо бездумного лирика-пейзажиста, певца березок и осин, либо надрывного скандалиста, губящего свой талант в московских кабаках. Его Есенин — это большой человек, страстный патриот, всей душой приветствовавший зарю нового мира, взошедшую над Русью.

Острейшие контрасты есенинской поэзии находят правдивое отражение в очень ярких образных контрастах музыки: мы встречаем здесь то проникновенный распев русской крестьянской лирики, то красочную пейзажную звукопись, навеянную картинами родной природы, то озорные ритмы партизанской частушки. Традиции русских классиков (Мусоргский) и старой крестьянской лирики обогащены здесь новыми интонациями рожденными в песнях революционной эпохи. Как и в «Патетической ораториии», мы сталкиваемся в этой поэме с необычайно свежей, оплодотворяющей силой музыки, способной во много раз усилить и смело обновить давно знакомые поэтические образы.

Замечателен вокальный цикл Свиридова на стихи Роберта Бернса. Это — девять разнообразных песен для баса в сопровождении фортепьяно: отсутствие хора и оркестра придает им более скромный камерный характер по сравнению с крупными ораториальными полотнами на слова Маяковского и Есенина. Но какой сочный и рельефный мир жизненных образов предстает перед нами в этих чудесных песнях! Вместе с переводчиком С. Маршаком, раскрывшим русскому читателю всю чарующую прелесть бернсовской поэзии, Свиридов знакомит нас с простыми и гордыми людьми старой Шотландии, заставляя всей душой переживать их радости и печали. Свиридов и Маршак осовременили поэзию вольнолюбивого шотландца Бернса, приблизили ее к нашим дням Песни эти прозвучали так, точно они написаны сегодня, о простых людях нашего времени.

Мало кто из композиторов умеет так чутко, глубоко, требовательно читать стихи и так верно находить путь к их музыкальному воплощению, как Георгий Свиридов. Среди его «соавторов» — многие выдающиеся поэты разных времен и национальностей: Пушкин и Блок, Есенин и Маяковский, Исаакян и китайские поэты, Шекспир и Бернс, Исаковский и Прокофьев. Он умеет услышать особую музыку стиха у каждого из авторов, почувствовать и передать в звуках истинный смысл их поэзии, иной раз скрытый за внешними сюжетно-описательными деталями. Он обращается к самому высокому поэтическому искусству, и это окрыляет его музу, определяет особенность его творческой индивидуальности, приносит ему неизменный успех.

Три высокоталантливые работы Свиридова — «Патетическая ораторня», поэма «Памяти Сергея Есенина» и цикл на стихи Бернса обогащают наш концертный репертуар, сближают нашу музыку с высшими достижениями поэтического искусства, открывают новые широкие горизонты перед современными композиторами. Эти три произведения ныне по достоинству выдвинуты на соискание Ленинской премии.

И. НЕСТЬЕВ

В РУСЛЕ ДОБРЫХ ТРАДИЦИЙ

РАБОТЫ МОЛОДЫХ НА ВЫСТАВКЕ ХУДОЖНИКОВ МОСКВЫ

ЭТО отличная мысль — собрать лучшие из созданных за последние годы работ художников России, показать их на одной общей выставке. Такая выставка готовилась несколько лет, сейчас дело идет к завершению: в апреле откроется грандиозная экспозиция «Советская Россия».

Готовясь к этой выставке, художники столицы принесли в Манеж свои произведения для отбора жюри. Собственно говоря, поначалу и не предполагалось образовать из них особую московскую выставку. Но когда эти работы, числом более двух тысяч, после неизбежных споров были размещены, расставлены, развешаны в длинных и высоких коридорах Центрального выставочного зала, стало совершенно ясно, что на эту импровизированную премьеру без репетиций нельзя не позвать зрителей. Ведь для «Советской России» из великого множества представленных вещей будет отобрана лишь часть. А в эти картины, скульптуры, рисунки, произведения монументального, прикладного, театрально-декорационного искусства вложена такая уйма большого, напряженного труда, у художников связано с ними так много переживаний и надежд, что воистину грешно было ограничиться закрытыми просмотрами и, так сказать, выборочной косовицей богатого урожая. И решено было открыть заветные двери Манежа: пусть придет зритель и скажет свое слово о творчестве столичных мастеров изобразительного искусства.

Выставка разнообразна. Экспонаты не подогнаны под один, заранее избранный ранжир. Здесь встречаешь не только весьма различные стилевые манеры, но и разные принципы образного решения. Словом, есть о чем подумать, поспорить. Но в одном выставка убеждает сразу, бесповоротно, уже при первом знакомстве с нею: мелкотемье, искания узкоформального порядка, которые в недавние годы заметно ограничивали общественный диапазон творчества иных художников-москвичей, ныне, в основном, преодолены. Господствующее положение на выставке занимают произведения, авторов которых вдохновляют большие события, идеи, страсти нашего времени, пафос строительства коммунизма.

Для детального анализа огромного материала выставки понадобилась бы целая серия статей. В этих заметках я хотел бы поговорить лишь о группе произведений молодых художников, чьи имена сравнительно недавно начали появляться в каталогах. Разумеется, эти произведения составляют лишь часть интересных вещей в экспозиции. Среднее и старшее поколения представлены в ней широко и разнообразно. Причем ясно видишь, сколь многим обязана молодежь своим старшим товарищам, лучшим традициям советского изобразительного искусства. Потому-то и представляет особый интерес вопрос о том, как молодые художники используют и развивают эти добрые традиции.

Поколение «призыва пятидесятых годов» ершисто и непокладисто. Его не привлекают гладкие, накатанные дороги в искусстве, оно упрямо и напористо ищет свой художественный язык, свой строй образов современной жизни. Изучение опыта старших не только не мешает, но, бесспорно, помогает молодежи в ее новаторских исканиях. Правда, порою искания оказываются путаными и сбивчивыми, но общая направленность работ на выставке здоровая, верная.

Нетрудно заметить некоторые общие для большинства молодых художников интонации рассказа о жизни, а также характерные особенности образного мышления. Для них решительно невыносимы всяческая гладкопись, умиленная сентиментальность. Прямой, открытый, мужественный взгляд на современность, волевая сила повествования о ней, радость завоеванной победы, высокая, светлая человечность, не униженная дешевыми красотами мелочного «мещанского счастья», — такое «верую» ясно слышится в работах молодых. И под стать ему — тяготение к широкой типизации, крупноплановым характерам, обобщенной, броской, острой пластической форме.

Вот «Камчатские рыбаки» Д. Шаховского. Эта скульптурная группа захватывает внимание зрителя своим непривычным, дерзким пространственным решением: из угловатой, взрыхленной массы постамента вздымаются три обращенные в разные стороны головы больших масштабов, с резким, крутым очерком лиц. И хотя здесь нет ровно никаких иллюстративных деталей, воображение сразу же рисует образ бурного моря, порывистого ветра, которым смело противостоят эти мужественные люди.

Работа Д. Шаховского заставляет вспомнить романтический почерк некоторых произведений И. Шадра, В. Мухиной, но она — вполне самостоятельна.

Точно так же, взглянув на картину И. Агапова «Сибирь в стройке», сознаешь, что молодой живописец смотрел влюбленными глазами на полотна А. Дейнеки, но не пошел путем поверхностного подражательства, а по-своему развил хорошую традицию. Не страшась упреков в отступлении от скрупулезного внешнего правдоподобия, Агапов изобразил на фоне индустриального пейзажа данные в резком увеличении фигуры рабочих в момент трудовой страды. В картине есть настоящая правда советских будней, их пафос, страсть, «размаха шаги саженьи».

Следует заметить, что молодые художники, чаще всего избирая самые что ни на есть обыденные сюжеты, умеют раскрыть в их рамках большие идеи времени. Скажем, полотно П. Никонова уже самим своим названием — «Наши будни» — подчеркивает обычность запечатленной сцены. В серый зимний день люди едут на стройку, везут материалы — нехитрый сюжет картины. Но во всем ее настроении разлита спокойная, немного суровая сосредоточенность, ясно ощущаешь полноту жизни, ее мощный, крепкий пульс, и на лицах прохожих и проезжих видишь отсветы важных забот, неотложных дел, которые властно влекут к себе, составляют высокий смысл существования. В таком же эмоциональном ключе решены серия линогравюр И. Голицына «Будни пригорода», заражающая своей бурной динамикой, живым темпераментом, картина Мих. Никонова «Смена», полотно А. Макарова «Слобода» и ряд других вещей молодых мастеров.

Как часто на наших выставках еще встречаются картины, которые, хоть и не являются прямым плагиатом, все же вызывают в памяти тысячу и одну подобную композицию. Это — вариации устоявшегося штампа. И. Ильф точно сказал в своих записных книжках про такие опусы: «Ни у кого не украдено и в то же время не свое». И на нынешней выставке, к сожалению, встречаются подобные холсты: очередные сталевары перед очередным литьем жареного цвета, хрестоматийные инсценировки из жизни великих людей, словно повторяющие кадры недоброй памяти биографических фильмов, серийные влюбленные под яблоней (сиренью, черемухой) и т. д.

Как отрадно, что бо́льшая часть молодежи не поддается соблазнам испытанных стандартов, мыслит свежо и своеобычно. Большие чувства, серьезные размышления отливаются в непривычных, оригинальных формах и образах. И. Мансуров придал своей «Песне о Щорсе» романтическое звучание, особенно рельефно выраженное в колорите — напряженном, интенсивном и вместе с тем слегка приглушенном: ведь это легенда, подернутое дымкой времени предание о героях уже далекой от нас эпохи. Г. Коржев, П. Оссовский, Е. Голихин делают узловой точкой своих композиций крупномасштабные фигуры, смело идя на гиперболу во имя драматической выразительности. Впрочем, каждый из них употребляет этот прием по-разному. Г. Коржев, воссоздавая в полотне «Поднимающий знамя» эпизод революционной борьбы, остается в традиционных рамках жанрового рассказа. Но этот рассказ не изобилует болтливыми подробностями, в нем лишь три четкие детали: раненый демонстрант, выскользнувшее из его рук алое знамя и рабочий, поднимающий флаг.

Е. Голихин в картине «1929 год» противопоставил фигуры кулака и коммуниста: в молчаливой схватке их колючих, непримиримых, ненавидящих взглядов — основа конфликтного действия.

Далеко еще не ушедшей в прошлое бедой многих наших художников, особенно часто живописцев, является неумение найти верное, точное соответствие между образным замыслом и выразительными средствами, приемами воплощения. Порою случается, что работа над сюжетом и формой идет у автора как бы в двух параллельных, несоприкасающихся рядах: сначала абстрактное, бесплотное, чисто литературное построение сюжета, затем подыскивание ему живописной «одежды». При таком методе нередко оказывается, что одежда кое-как пригнана, случайно подобрана (хорошо еще, если не с чужого плеча); она скрадывает, истинные пропорции «тела» образа, а то и вовсе искажает и уродует его.

В работах молодых, показанных на выставке, очевидно стремление «мыслить в материале», сплетать в один крепкий узел понимание и видение, отбросив прочь поверхностную иллюстративность. Многие работы радуют органичностью своей формы, в которой так ясно, свободно, полновесно выражаются большие идеи и чувства. Л. Кремнева, кажется, впервые выступающая на большой выставке, отлично использовала шероховатую поверхность неотшлифованного серого гранита, его острые грани, плотную структуру для создания образа своей «Строительницы» — волевой, порывистой, по-юному угловатой и резкой.

Умение использовать выразительность цвета для раскрытия образного замысла отличает работы таких уже бесспорно зрелых, разных по своим индивидуальностям художников, как И. Попов, В. Стожаров, А. Соколов, Э. Браговский, Е. Расторгуев.

Наконец, о поисках психологической характерности. Они есть в некоторых из названных работ, в сильных и своеобразных портретах живописца Б. Биргера, скульптора Д. Полякова, в превосходном плакате Н. Терещенко «Не для войны». И все-таки, пожалуй, именно психологической глубины, многогранности, убедительности чаще всего недостает в произведениях молодых. Что это — недостаток мастерства или недостаток внимания к рассказу (я подчеркиваю это слово) о человеке? По-моему, скорее второе. Очевидно, борясь с иллюстративностью, молодые художники иногда выплескивают с водой ребенка, недооценивая своеобразные повествовательные возможности живописи, вовсе не противоречащие ее специфике.

Повторяю, в этой статье шел разговор только о произведениях молодых художников, разумеется, не потому, что лишь они и заметны на огромной выставке. Нет, в экспозиции отлично представлены все поколения, и работы старших мастеров, наверняка, будут темой широкого, основательного изучения и обсуждения. Я уж не говорю про то, что, скажем, с показанными на выставке новыми работами Коненкова или Чуйкова, Куприна или Фаворского, Кукрыниксов или Жукова. Нисского или Пророкова, Бубнова или Дубинского и других известных художников вещи молодых пока что и сравнивать неразумно: до маститости им еще очень далеко. Но выставка убеждает, что художественная молодежь Москвы в своих лучших произведениях идет по верному пути — пути социалистического реализма — развивается споро, стремится к созданию сильных, емких, правдивых образов современности. И в этом — один из самых радостных, значительных итогов большой экспозиции в Манеже.

А. КАМЕНСКИЙ

Е. Дорош

Прогулка по Ярославлю

«Древнее рядом с нами» — так называются новые очерки Ефима Дороша. В очерках идет речь о древней архитектуре и живописи Ярославля и Ростова Великого, о народном характере и поэтическом своеобразии искусства старинных мастеров. Прошлое связывается здесь с настоящим — с проблемами архитектуры и градостроительства, с формированием художественного вкуса, с духовным развитием нашего современника. Е. Дорош пишет эти очерки для журнала «Новый мир». Сегодня мы публикуем главу из очерков.

ЛЕТНИЙ ДЕНЬ в Ярославле. Черные тени на мокром и горячем асфальте набережной, раскидистые старые липы, чуть золотящиеся от обильного цветения, губернский ампир особняков, белеющих между деревьями, жаркое, будто в дымке, почти бесцветное небо, скромная чугунная решетка над зеленым откосом, а внизу, дыша свежестью, едва приметно колышась, выпукло лежит огромная Волга.

Набережная сейчас пустынна, лишь кое-где на больших покойных диванах, по-южному светлых, уперших в асфальт свои литые ножки, посиживают в безмятежном, я бы сказал, курортном ничегонеделании немолодые уже мужчины и женщины, да еще пройдет юноша в короткой клетчатой распашонке, закинув за спину фотоаппарат на узком ремешке, или же купальщица с темными от воды волосами, в ярком сарафане, открывающем загорелую спину.

На реке буксир тянет бесконечный плот, бежит нарядный катерок.

Волга выглядит серой, матовой, местами на ее поверхности протянулись длинные косые полосы, где вода дробится и поблескивает.

Мы идем по набережной с архитектором Борисом Васильевичем Гнедовским. Один из руководителей здешней реставрационной мастерской, он показывает мне древности Ярославля. При этом нельзя не вспомнить «Прогулки Пьера Нозьера по Франции» Анатоля Франса. Там есть такие слова: «Разве города не те же книги? Чудесные книги с картинками, на которых изображены наши предки!»

Только что мы побывали в бывшей Толчковской слободе. В старину там жили ремесленники, выделывавшие красную юфть. Для выделки юфти нужны дубильные вещества, и в слободе работали специальные мельницы - толчеи, где толкли дубовое корье. Отсюда будто бы и название пошло — Толчковская.

В 1671 году жители слободы предприняли строительство храма во имя Иоанна Предтечи. Строило церковь все население — иные жертвовали деньги, иные работали на постройке. Строили шестнадцать лет.

Когда я увидел это здание, мне прежде всего представился его строитель — ярославский рабочий человек, живший без малого триста лет назад. Речь идет не только о каменщиках, живописцах и резчиках, но и о тех, кто по отношению к ним был как бы хозяином, заказчиком, потому что толчковские кожевники и дубильщики были, мне думается, одного круга людьми со здешними строительными рабочими, одних с ними воззрений, вкусов, пристрастий. К слову сказать, в те времена ремесло считалось искусством, и летописец именует занятие слобожан «художеством толчевным».

Все это пришло на мысль не сразу, так как в первое мгновение, что называется, дух заняло от зрелища вставшей перед нами стены — исполинского кирпичного прямоугольника. Пять могучих полукружий алтарных, вытянутых в ряд, были вписаны в этот прямоугольник и как бы несли на себе устремленную вверх плоскость. Высоко над нею — шапку уронишь — круглилось множество различной величины маковиц, из которых одни были уже позолочены, а другие темнели за обрешеткой лесов.

Я отошел чуть в сторону, и мне открылась выдумка мастера.

Мастер поставил вровень с основным кубом храма два боковых придела, похожих на четырехгранные башни, — так образовалась огромная алтарная стена и тем достигнуто было впечатление величественности.

От одного придела к другому, с трех сторон окружая здание, тянулась широкая и несколько приземистая закрытая галерея — паперть. К галерее примыкали три выносных крыльца под крутыми и острыми двускатными кровельками, склоны которых внизу были будто надломаны и легко ниспадали пологими козырьками. Здание начиналось на земле этими разбежавшимися в стороны крыльцами, массивными галереями, выпуклостями алтарей; оно уходило ввысь, в небеса, собранными в пучки пятиглавиями приделов, кучно поставленными и чуть вытянутыми барабанами мощного центрального пятиглавия.

Багровая громада освещена была солнцем. Железное кружево подзоров и коньков сквозило под стрехами кровель и на гребнях крылец. Кирпичный узор тройного ряда кокошников лепился по карнизам приделов. Оконные наличники, глубокие, похожие на квадратные рамы ширинки и расположенные поясами колонночки выделялись на плоскости стен пышным рисунком. Голубым, зеленым и синим поблескивали поливные изразцы.

В XVII веке, когда строилась эта церковь, Ярославль славен был мастерами, искушенными в живописном, чеканном и резном ремесле, хорошо знавшими искусство делать селитру, изразцы, клей, ковать железо и дубить кожи. Можно только пожалеть, что мы не знаем их так близко, как неунывающего резчика и столяра из Кламси, с которым нас подружил Ромен Роллан, как весельчака Буффальмако, флорентинского живописца из новеллы Анатоля Франса. Два эти характера, и еще Уленшпигель, сын угольщика из города Дамме во Фландрии, вспомнились мне потому, что они были людьми почти одного времени, одного сословия и одного духа с хитрыми в своих искусствах ярославцами, которых народное присловье, кстати сказать, называет красавцами, песенниками, чистотельцами и лукавцами.

Рассуждая о старинных ярославских мастерах, мы вошли с Борисом Васильевичем в галерею. Здесь было просторно и пусто. Стены этой обширной паперти, порталы дверей, ведущих внутрь храма, своды и оконные откосы были расписаны фресками или орнаментом. В желтоватом пыльном свете пестрели краски — коричневые, золотисто-охристые, синяя, белая и голубая. С первого взгляда все это казалось сплошным ковром, такой убористой была рука живописца, потом я стал различать отдельные картины, повествовательностью своей напомнившие мне лубок, увидел и орнамент, похожий на те узоры, какими в старину украшали сундуки, ткани, прялки... Сюжеты фресок сродни были сказке, фантастическому приключению, нравоучительной истории, и я подумал, что жителям слободы, когда они большими семьями неспешно прогуливались по паперти или же сидели на кирпичных скамьях, устроенных вдоль стен, эти затейливые картинки служили чем-то вроде нашего кинематографа.

Я далек был от наивной мысли считать толчковских ремесленников атеистами, но и мистиками, религиозными фанатиками их едва ли можно назвать, и это прежде всего подтверждает сооруженная ими веселая церковь. Дети своего времени, они, конечно, построили божий дом, однако, материалисты по самой сути своей, сработавшие на своем веку множество дивных вещей, к тому же склонные к озорству жизнелюбцы и остроумцы, сочинившие не одну скабрезную побасенку о слугах божьих, они позаботились тут не только о боге, но и о собственных удобствах. Чтобы убедиться в последнем, достаточно взглянуть на эту паперть с ее большими окнами и расписными скамейками, вернее, сплошной скамьей, кирпичные ножки которой сделаны в виде балясинок, подпирающих фестоны из плоского фигурного кирпича. Да ведь это не столько паперть — преддверие храма, сколько некий общественный центр, своеобразный клуб. В слободе едва ли было другое такое место, где бы можно сообща обсудить мирское дело, потолковать с приятелями, развлечься, высмотреть невесту, попировать всей общиной в праздник.

Мой спутник напомнил мне, что именно в XVII веке, когда толчковские ремесленники построили эту большую церковь, в северных деревнях, слободах и посадах, не столь уж далеких от здешних мест, сложился обычай собирать общественные собрания и совершать публичные акты в так называемых церковных трапезных, где исстари устраивались по праздникам мирские пиры. Могло быть, что и просторная эта паперть служила трапезной. И не так уж далек я был от истины, когда вообразил, что собиравшиеся здесь люди мало чем отличались от тех своих современников и соседей, которым один из епископов того времени предписал, чтобы они в церковных трапезных «для всяких своих земских и мирских дел сходов не чинили и меж собою великие раздоры и мятежи, и неподобные матерные брани и бои не были, и по праздникам молебных пив не носили бы и в трапезе не пили бы».

Когда мы уходили из Толчкова, у меня было ощущение, что я побывал в обществе вольнолюбивых и мастеровитых русских горожан XVII века, потому что не церковь они построили здесь и не святых написали на ее стенах, а изобразили самих себя, свои души. И я подумал, что чадящий смрадным дымом завод, поставленный кем-то рядом с этой сказкой из камня, не только портит произведение искусства, но и оскверняет память наших предков.

По счастью, пренебрежение стариной не характерно для Ярославля.

ГОРОД ЭТОТ, бесспорно, красив, и очарование его прежде всего в той естественности, с какой живут рядом старина и современность. В здешнем архитектурном пейзаже новое не противостоит древнему, но продолжает его, и это говорит о художественном вкусе и нравственных правилах. Так приходишь к мысли, что на картинках каменной книги изображены не только предки, но и нынешние обитатели города. Впрочем, если взять новые районы Ярославля, то они похожи на те солидные издания, которые содержат весьма полезные сведения, однако лишены развлекающих нас простодушных картинок.

Улицы здесь широки и прямолинейны, и дома, по всей вероятности, удобны, но это свойственно всем нашим большим городам, и на этих улицах ощущаешь себя столько же в Ярославле, сколько в Запорожье или в Свердловске. Тут можно встретить и коробчатые здания начала тридцатых годов, наивный индустриализм которых способен вызвать снисходительную улыбку, и тот бутафорский, раздражающий своей неуместностью ампир, который распространен был в недавние годы. На взгляд человека, далекого от специальных вопросов архитектуры, дома эти, помимо того, что в них живут люди, служат еще иллюстрацией к истории художественных поисков и заблуждений многих советских зодчих. Правда, если знаешь, что они сооружены в городе по преимуществу деревянном или же просто на пустырях, что только за последние три года около сорока тысяч ярославцев переселилось в благоустроенные квартиры, проникаешься вдруг чувством, должно быть, родственным тому, какое побудило Маяковского написать «Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру». Известное эстетическое удовольствие доставляют и прямизна улиц, их щедрая широта, оранжевые, белые и пунцовые полосы цветничков на обочинах тротуаров, и высокие деревья, достаточно густые, чтобы скрыть погрешности архитектуры, однако же позволяющие видеть сквозь листву светлые пятна фасадов.

Рядом с этими проспектами, в бывших слободах и пригородах Ярославля, еще теснятся вдоль ухабистых улиц деревянные мещанские домики и ободранные каменные; пыль стоит здесь над исполинскими грузовиками, которые, покачиваясь, в иных местах бортами своими возвышаясь над крышами, лавируют в этих извилистых щелях, громыхают торчащими из кузова пучками железных балок или сеют на серую землю красную кирпичную крошку, везут поставленные на ребро бетонные плиты...

Людям, живущим здесь, быть может, не совсем точными покажутся мои впечатления от города, однако я думаю, что иногда со стороны виднее и что не улицы с омертвевшей коленстой землей, с пропыленными насквозь домами, у которых, будто им сломали хребет, осели посередине крыши, — главенствующая черта современного Ярославля. Последнее подтверждается хотя бы тем обстоятельством, что только жилой площади по семилетнему плану в городе будет построено около одного миллиона трехсот тысяч квадратных метров.

Если новые районы Ярославля и не своеобычны, то они, я бы сказал, служат вступлением к исторически сложившемуся центру города, заново спланированному во второй половине XVIII века. Они естественно соединяются с той частью старого города, где всего больше магазинов. Здесь дивишься тому, как напоминает северный Ярославль наши большие южные города, — то ли полосатыми маркизами над зеркальным стеклом витрин; то ли вот этой белой кафельной стеной в арке башенных ворот, где из окошка продают горячие жареные пирожки и тут же рядом, прямо на асфальте, мелко колют дрова; то ли вон темн, хочется сказать, вообще европейскими зданиями, какие строились повсюду

НЕВЕЖЕСТВО? НЕТ, ХУЖЕ!..

М. КУЗНЕЦОВ

В ЖУРНАЛЕ «Молодая гвардия» № 3 за этот год в разделе «Литературная критика» опубликована статья Константина Токарева «Раздумье над полем боя». Статья эта примечательна во многих отношениях. И прежде всего своею, так сказать, нетипичностью. Она не типична для советской критики и для журнала, на страницах которого она напечатана, ибо ничего подобного мы не встречали в нем раньше. Чем-то затхлым, дурно пахнущим повеяло от этого «Раздумья...». Вспомнились давно прошедшие времена групповых ссор и критики на уничтожение. Но именно потому, что статья эта — случай из ряда вон выходящий, она и требует особого разговора.

«Раздумье...» состоит из трех разделов: первого — общего, претендующего на некую теоретичность, и затем двух конкретных, где анализируются роман К. Симонова «Живые и мертвые» и повесть Г. Бакланова «Пядь земли». Каждый из разделов критического труда К. Токарева «оригинален» и неподражаем в своем роде.

Теоретическое вступление хотя и невелико по объему, но не раз повергает читателя в искреннейшее изумление. Не прочли мы и 50 строк у К. Токарева, как наткнулись на мысль в высшей степени глубокую и замечательную: «Караваевы были и остаются в нашем наследническом почитании (?!) не только носителями идеи «непротивления злу», но и собирателями земель русских и хранителями отечества нашего, во имя которого претерпевали они муки и тяготы, шли на всенародные подвиги, ратные и мирные».

Открытие, действительно, поразительное. Платон Каратаев—собиратель земель русских? Как будто бы и не было марксистской трактовки образа Платона Каратаева, как будто бы не писали о нем Горький, советская критика.

Сразу же после пассажа с Платоном Каратаевым без всякого перехода К. Токарев пишет: «Между тем (между чем? — **М. К.**) после гражданской войны некоторые писатели свертывали оборонную тему: одни из-за того, что уже опустошили себя скороспелыми повестями и романами; другие из-за того, как бы, упаси боже, не вызвать повторного ультиматума Керзона». Ведь как пишет! Ни с чем не считаясь — ни с фактами, ни с историей, ни с правдой! Воистину—«размахнись рука!» А ведь что ни слово, то ложь. Кто из наших писателей сразу «после гражданской войны... свертывал оборонную тему»? Ведь всем известно, что в двадцатые годы тема гражданской войны занимает господствующее положение в нашей литературе, она продолжается и в тридцатые годы. Наконец, «оборонная тема» занимала видное место и в сороковые и в пятидесятые годы. А главное — кто же из советских писателей когда-нибудь боялся ультиматума Керзона? Что за чушь, как это можно писать, а главное — печатать?

Безымянные «скороспелые» произведения о войне никак не дают автору покоя. Ударившись в лирические воспоминания, К. Токарев сообщает, что сразу по выходе из печати романа «Тихий Дон» он и его друзья «навсегда забыли другие скороспелые «баталии», поблекшие перед этими новыми открытиями». Исключение К. Токарев делает для «Кашшева», «Разгрома» и «Как закалялась сталь». Спасибо ему хотя бы и на этом. Ну, а что же относится к скороспелым «баталиям»? «Бронепоезд 14-69»? «Железный поток»? «Падение Даира» и «Севастополь»? «Россия, кровью умытая»? «Ветер» и «Разлом»? «Шторм»? «Дума про Опанаса»? «Оптимистическая трагедия»? «Любовь Яровая»? А ведь это произведения из первого десятилетия после гражданской войны!

Впрочем, это только начало. Несколькими строками ниже мы с изумлением прочтем о том, что Григорий Мелехов все же вернулся «с повинной головой к Кошевому, на сторону победившей Советской власти». Вновь потрясающее открытие: ни один из миллионов читателей «Тихого Дона», гениального романа-трагедии, так до сих пор и не догадался, что Григорий, оказывается, **перешел на сторону Советской власти.**

Количество недоуменных вопросов все растет... И уже нетерпеливый читатель может сказать: «Речь идет, видимо, просто о невежде, который, по недосмотру редакции, неожиданно очутился на страницах журнала. Стоит ли всерьез говорить о нем?» Да, стоит! «Невежество, — говорил Маркс,—это демоническая сила, и мы опасаемся, что оно послужит причиной еще многих трагедий».

Однако разбираемый нами случай не просто неграмотность. В статье К. Токарева за девственным невежеством по части истории литературы, за разухабисто-малограмотным стилём, за мнимой заботой об идейной бдительности проглядывает некая тенденция, весьма вредная и чуждая духу нашего общества. Менее заметная (хотя и ощутимая!) в путаном теоретическом вступлении, эта тенденция весьма отчетливо обнаруживает себя там, где речь идет о некоторых произведениях нашей литературы последнего времени. В конечном счете эта тенденция сводится к стремлению расколоть писателей, создать в литературе атмосферу взаимного недоверия.

Статья К. Токарева берет под сомнение патриотизм, честность, наконец, элементарную порядочность советских писателей К. Симонова и Г. Бакланова. Они для К. Токарева «гуманисты» в кавычках, они адвокаты дезертиров, трубадуры неудачников, они... Впрочем, поговорим обо всем этом более подробно.

Свой «разбор» романа Симонова «Живые и мертвые» автор статьи начинает с обвинения в несамостоятельности. Нет, мы не оговорились. К. Токарев уверяет, что читатель романа Симонова все «чаще... ловит себя на мысли: «Где-то я уже читал об этом!..» Дальше высказанная мысль, что называется, конкретизируется: «Да, к сожалению, «все это уже было», как говорится, было так или иначе(?!) и в одноименном романе Л. Кукуева «Живые и мертвые»...» Заглавие действительно совпадает. Ну и что?.. Недавно в Чехословакии вышел в свет роман, который тоже назван «Живые и мертвые». А «Пядь земли» есть еще у писателя Г. Соловьева. К счастью, К. Токарев об этом не знает. Он бы наверняка не прошел мимо такой находки.

По мнению К. Токарева, роман Л. Кукуева — не единственный источник, из которого черпал К. Симонов. Автор статьи называет еще несколько произведений: повесть И. Стаднюка «Человек не сдается», роман Г. Гончаренко «Честь», роман И. Маркина «Люди грозных лет», наконец повесть И. Свистунова «Твои братья рядом»,—оказывается, Симонов повторяет и эти книги. Доказательств же опять нет никаких. Подобное обвинение, и опять без каких-либо доказательств, предъявлено и Г. Бакланову. Критик утверждает, что Г. Бакланов «повторил яркую и сильную повесть Юрия Бондарева «Последние залпы». Будем точны. К. Токарев нигде не пишет прямо плагиат. Он только намекает; не то, чтобы прямо списано, но не свое, а, может быть... словом, «было так или иначе»... Не станем опровергать оскорбительных обвинений К. Токарева, ибо спорить—в этом случае значит унизить и себя, и всех, без исключения всех перечисленных К. Токаревым авторов. Можно лишь сказать, что это история беспрецедентная в нашей печати, в нашей критике.

Критический разбор романа Симонова и повести Бакланова столь же необоснован и бездоказателен, как и предъявленное этим писателям обвинение — как бы это лучше сказать! — в «неоригинальности» что ли. Мы, например, считаем, что эти произведения отнюдь не безупречны, в них многое заслуживает критики. Но надо критиковать, а не бить дубиной, анализировать, а не мазать дегтем.

Ведро с дегтем и дубинка—плохие «инструменты» в критике, вернее, просто негодные. К. Токарев же главным образом ими и пользуется. Только так можно объяснить совершенно чудовищное утверждение автора статьи, будто в романе Симонова «Живые и мертвые» «главный конфликт между героями романа порожден не самой войной, а неготовностью к ней. Внезапность нападения, по мнению героев романа, была обеспечена не столько самими гитлеровцами, сколько их пособниками из числа командных «верхов» нашей армии». К. Токарев с лихостью мажет черным по белому; «Таким образом, увлекшись запоздалым разоблачением тех, кто сидел «наверху», и вымещая на них накипевшую ненависть, герои романа как бы забывают, что виновники этой войны все-таки не они, а гитлеровцы».

Вот как извращен смысл романа «Живые и мертвые». Всякий непредубежденный читатель, самым строгим образом подходя к слабостям романа К. Симонова, видит, что это произведение о героях первых боев с фашистскими оккупантами, о том, как Коммунистическая партия в самые тяжелые дни отступления организовывала отпор врагу, воспитывала стойкость и героизм наших людей. И хотя, повторяем, роман есть за что критиковать, он в целом представляется нам несомненной удачей и автора, и нашей литературы. К. Токарев не просто утверждает обратное, он старается уверить читателей, что Симонов рисует некую войну внутри Советской Армии. Невежество? Нет, хуже: извращение фактов, подтасовка их.

Более спорной, нежели роман Симонова, является повесть Г. Бакланова «Пядь земли». Однако и она представлена К. Токаревым в настолько уродливом, извращенном виде, что даже те, кто во многом не согласен с Бакановым, кто критически относится к «Пяди земли», не могут не взять повесть под защиту.

На наш взгляд, Бакланов, рисуя своего героя — почти мальчика, мужающего в огне боев, правдиво передавая и героизм, а подчас и растерянность лейтенанта Мотовилова перед ужасами войны, — нередко не подымается выше своего героя, и это, конечно, серьезный просчет писателя. Но это не имеет решительно ничего общего с заявлением К. Токарева, что Г. Бакланов выступает адвокатом дезертиров, что его герой — «жалкий, перетрусивший» человек, что, наконец, Мотовилов сочувствует трусу и шкурнику Козинцеву. Опять-таки достаточно раскрыть повесть Бакланова, чтобы увидеть, что Мотовилов и Козинцев—это антиподы, это два совершенно противоположных отношения к жизни—подлинно патриотическое и мещански шкурное. Сказать так, как пишет К. Токарев,—это не только сказать неправду, но заведомо оскорбить писателя, это все недопустимые и давно отброшенные нашей критикой приемы.

Вот тут мы и подходим к главному вопросу: для чего написана статья Токарева? Для того ли, чтобы по-товарищески указать на недостатки книг наших советских писателей, помочь им сделать произведение лучше, или с какими-нибудь другими целями?

Вспомним, как в редакционной статье «Правды» в связи с Постановлением ЦК КПСС «Об исправлении ошибок в оценке опер «Великая дружба», «Богдан Хмельницкий» и «От всего сердца» говорилось: «А ведь порой бывает и так, что критика отдельных недостатков приводит к зачеркиванию произведения со всем тем хорошим, что есть в нем, и чуть ли не к отрицанию всего творчества данного автора. После такой огульной критики даже у талантливого мастера невольно опускаются руки. Самая строгая критика, если она справедлива и доброжелательна, всегда поможет делу, воодушевит художника на совершенствование своего мастерства».

Ясно, что автор статьи «Раздумье над полем боя» не задавался целью воодушевить писателей, он помышляет лишь об одном — как бы оскорбить советских писателей, о которых он пишет, столкнуть между собой, посеять между ними рознь. Статья К. Токарева вредит нашей литературе. И читателя, которому она попадет в руки, следует предупредить: опубликование «Раздумья...» К. Токарева—грустное и досадное недоразумение. Выступление это, исполненное невежества, не имеет никакого отношения к советской критике.

В ЭТИ ДНИ В МОСКВЕ

Москвичи с неослабным вниманием следят за пребыванием товарища Н. С. Хрущева во Франции. По утрам многолюдно у газетных киосков, жители столицы с живейшим интересом читают и обсуждают последние известия об этой миссии мира и дружбы.

На снимке: **москвичи читают утренние газеты в сквере у Большого театра.**

Фото **Б. Трепетова** и **А. Конькова**

НЕДЕЛЯ ДЕТСКОЙ КНИГИ

БРАТИСЛАВСКИЕ «БУДЕНЫШИ»

В дни «Книжкиной недели» мне хочется рассказать об одном подлинном случае, вернее, о юных читателях советской детской литературы, широко известной новому поколению братской Чехословакии.

...В Братиславе писатели-москвичи познакомились со словацкой поэтессой Кристой Бендовой.

Мы знали ее по книжке «Жил-был класс», выпущенной Детгизом стотысячным тиражом. Обычный для нас тираж словацким писателям показался фантастическим. Заметим попутно, что книжка Бендовой уже давно разошлась.

Криста пригласила нас к себе: недавно семья получила квартиру в новом доме. Три сына поэтессы вернулись с прогулки и пришли знакомиться с нами.

— Буденный! — представился шестилетний Юрко.

— Поль Робсон! — заявил о себе пятилетний Мишо.

Старший их брат — семилетний Янко, ученик второго класса, отчеканил:

— Сержант Павлов.

Заметив наше удивление, мать трех «именитых» поспешила внести ясность.

— Все это началось с книги Пантелеева «Пакет». Мои сыновья прочитали ее. Первым отреагировал Юрко.

— Я — Буденный! — воскликнул он. Заявочный столб уже стоял. Трех Буденных не бывает. Старший сын, наслышанный о подвигах защитника Сталинграда сержанта Павлова, присвоил себе имя героя.

Самый младший — Мишо назвался Полем Робсоном. Он слушал по радио его пение, знает, что негритянский артист — выдающийся борец за мир.

Минувшей весной второклассник Янко обнаружил в календаре дату рождения С. М. Буденного. Из Братиславы в Москву пошло на имя маршала поздравление от трех братьев. Им, вместе взятым, было тогда 18 лет.

Сыновья словацкой поэтессы вскоре получили большое ответное письмо, ставшее семейной реликвией. Его написал маршал Советского Союза Буденный, пожелавший Янко, Юрко и Мишо, чтобы они росли сильными и смелыми патриотами своей родины.

Так рассказ Л. Пантелеева познакомил трех его читателей, живущих у берегов Дуная, с советским полководцем.

...Когда я поведал об этом случае Л. Кассилю, он извлек из шкафа свою детскую книжку «Буденыши», вышедшую более 25 лет назад (в 1934 году). В ней рассказано, как Семен Михайлович однажды по просьбе малышей приехал к ним в детский сад при одной московской фабрике. Ребята устроили парад, и командовал им сам товарищ Буденный.

В Братиславу была тут же отправлена книжка «Буденыши» с такой надписью: «Братиславским «буденышам», детям Кристы Бендовой — Юрко, Янко и Мишо — от автора этой книги».

Макс ПОЛЯНОВСКИЙ

К 60-летию Джафара Джабарлы

Исполнилось шестьдесят лет со дня рождения выдающегося писателя, основоположника азербайджанской советской драматургии Джафара Джабарлы. Этой дате был посвящен вечер, состоявшийся 24 марта в Центральном Доме литераторов.

Открывая вечер, А. Софронов рассказал о том, как широко отмечался в Азербайджане юбилей Джабарлы, чьи пьесы по сей день не сходят со сцены.

Творческий облик талантливого писателя, скончавшегося более четверти века назад, обрисовал в своем выступлении Мирза Ибрагимов, подчеркнувший, что современность — душа драматургии Джафара Джабарлы; его пьесы о раскрепощении азербайджанской женщины («Севиль»), о социалистическом преобразовании деревни («Алмас» и «Яшар») находят и сегодня живой отклик у зрителей.

Выступившие затем Расул Рза и Мамед Рагим поделились своими воспоминаниями о Джабарлы.

На вечере были исполнены отрывки из произведений Джабарлы. В концерте приняли участие солисты Азербайджанской филармонии.

День афро-азиатской солидарности

Вчера в Центральном лектории Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний собрались представители общественности Москвы, чтобы отметить День афро-азиатской солидарности.

Собрание открыл председатель Советского комитета солидарности стран Азии и Африки Мирзо Турсун-заде. Академик Е. Жуков сделал доклад на тему «Солидарность народов Азии и Африки — активная сила в борьбе против колониализма и империализма». В заключение состоялся концерт мастеров искусств.

Отъезд в Англию К. А. Федина и А. Т. Твардовского

25 марта из Москвы в Лондон выехали первый секретарь правления Союза писателей СССР К. А. Федин и поэт А. Т. Твардовский. Приглашенные Комитетом по связям с СССР при Британском совете, они пробудут в Англии три недели. За это время советские писатели ознакомятся с культурной жизнью страны, встретятся с деятелями литературы и искусства.

Ах, уж эти читатели

ПРОРИЦАТЕЛЬ ДУКА

В повести И. Василенко «Жизнь и приключения Заморыша» (журнал «Дон», № 8, 1959 г.) описаны события времен русско-японской войны 1904—1905 гг.

Персонаж повести коммерсант Дука на стр. 96 «сказал, что хватит цеплять к каждой плитке шоколада священное писание, надо прицепить что-нибудь из оперетты, например... «Частица черта в нас заключена подчас».

Слов нет, Дука проявил достаточно практической сметки, музыкального вкуса и, что особенно удивительно, необыкновенную способность прорицать: оперетта «Сильва», из которой позаимствована им реклама для этикетки, в то время еще не была даже написана. Она появилась лишь в 1915 году.

Ай, да Дука!..

А. САЕНКО

г. ИЗЮМ

Издано „СОВЕТСКИМ ПИСАТЕЛЕМ"

Антонов А. Повесть о былом. Роман. Предисловие Ю. Либединского. 420 стр. 45 000 экз. 7 руб. 50 коп.

Баркова О. Завтра. Повесть. 287 стр. 30 000 экз. 5 руб. 20 коп.

Бляхин П. Дни мятежные. Повесть о днях моей жизни. 323 стр. 30 000 экз. 5 руб. 70 коп.

Воронько П. Щедрая земля. (Стихи). Авторизованный перевод с украинского. 206 стр. 3 000 экз. 2 руб. 85 коп.

Маршак С. Сатирические стихи. Эпиграммы. Плакаты. Избранное. Иллюстрировали художники: В. Горяев, Б. Ефимов, Кукрыниксы, А. Каневский, В. Лебедев, В. Сойфертис, И. Семенов. 240 стр. 35 000 экз. 7 руб. 50 коп.

Розанов В. Боги сходят на землю. Повесть. 225 стр. 30 000 экз. 4 руб. 20 коп.

Розов В. В поисках радости. — Страница жизни. — В добрый час. — Вечно живые. Пьесы. 408 стр. 5 000 экз. 8 руб. 65 коп.

Семакин В. Поднимаются травы. Стихи. 125 стр. 2 000 экз. 2 руб. 25 коп.

Сирге Р. Земля и народ. Роман. Перевели с эстонского О. Наэль, П. Васильев и В. Говорущенко. 551 стр. 75 000 экз. 11 руб.

Смуул Ю. Ледовая книга. Антарктический путевой дневник. Перевод с эстонского Л. Тоома. 299 стр. 15 000 экз. 5 руб. 45 коп.

Троепольский Г. Кандидат наук. Повесть, отчасти сатирическая. 264 стр. 30 000 экз. 3 руб. 20 коп.

Фалькман И. Обреченные берут оружие. Роман. Перевод с еврейского Я. Слонима. 535 стр. 30 000 экз. 8 руб. 80 коп.

Хаританович Э. Антон Матузов. Рассказы. 142 стр. 25 000 экз. 2 руб.

Хурюгский Т. Мой аул. Стихи. Перевод с лезгинского. 67 стр. 3 000 экз. 80 коп.

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Всем друзьям, организациям и учреждениям, приветствовавшим меня с пятидесятилетием литературной работы, приношу сердечную благодарность.

Максим РЫЛЬСКИЙ

на исходе минувшего века, особенно в молодых городах юга. Но здесь любуешься и двухэтажным приземистым домом с аркадой посередине, и поставленными на нее как бы чуть припухшими колоннами под широким фронтоном. Неизменное восхищение вызывает здесь ротонда гостиного двора, опоясанная колоннадой с эффектным портиком впереди, — «круглая лавка». Начинаешь думать, что сочетание южной непосредственности, даже броскости, с уютностью старомосковского классицизма и строгостью классицизма петербургского, может быть, и есть своего рода ярославский стиль.

Затем входишь в самый центр Ярославля, планировка и застройка которого принадлежат к числу лучших творений русского градостроительного искусства. С этой удивительной страницей из истории отечественной культуры познакомил меня архитектор Владимир Сергеевич Баниге, реставрирующий в соседнем Ростове тамошний кремль.

Едва ли бывало где-нибудь, чтобы одновременно по крайней мере пятьсот городов получили специально сделанный для каждого так называемый регулярный план строениям и улицам, как это случилось в екатерининские времена в России. Тридцать лет ушло на эту работу, что же до осуществления планов в натуре, то здесь потребовалось еще больше времени, в результате чего были не только перестроены наново губернские и уездные города империи, но и создана блестящая национальная школа градостроительства, значение которой велико и сегодня, сложился тот архитектурный стиль, который принято называть русским классицизмом. И когда мы перестраиваем и строим всю страну, нам особенно понятны размах и сдержанность старых русских зодчих, их поверяемое линейкой воображение. Я имею в виду здесь не одних лишь современных архитекторов, — никто ведь не скажет, что только писателям для повышения их мастерства нужна классическая литература!

Каменную книгу города читает весь народ, постоянно прибавляя новые страницы, и в этом последнем—пленительная особенность архитектуры. Город не может быть музейным экспонатом, он развивается, как все живое; древнее и старинное существует здесь в настоящем, рядом с нами и для нас.

Прогуливаясь по центру Ярославля, я представлял себе, как выглядел он в ту пору, когда державные казенные здания, затейливо-сказочные церкви и широко разместившиеся дома больших бар, построенные в манере барокко или же во вкусе ампир, перемежались деревянной рухлядью обывательских домиков, когда вдоль узких тротуаров криво торчали тумбы, и лишь кое-где, по прихоти домовладельца, зеленело одинокое дерево. Земля площадей и улиц замощена была булыжником, и серые бугристые мостовые, пыльные или лоснящиеся от жидкой грязи, как бы ползли, заполняя перспективу.

Конечно, и тогда был красив рисунок знаменитой Ильинской, теперь Советской площади, смело вычерченной в виде трапеции среди хаоса средневекового города. Красивы были линии улиц, начинавшиеся лучами от оставленной в центре площади церкви, — до генеральной планировки она была окружена домами причта и складами построившей ее купеческой семьи. И так же, как сегодня, хороши были в отдельности спокойные массы зданий, их строгий декор.

Но вот мы прошли здесь только что с моим спутником, направляясь к набережной, и я еще раз увидел, что залитое асфальтом пространство, по краям испещренное тенью деревьев, равноправно входит в архитектурный ансамбль, связывает теснее желтую с белыми колоннами классику бывших присутственных мест с многоглавой древностью церкви Ильи пророка. Как всегда, мне подумалось, что улицы, разбежавшиеся с площади, из-за асфальта стали будто прямее, отчего еще отчетливее выступил счастливый замысел планировщика, — он проложил их таким образом, что в одном конце каждой улицы рисуются шатры и маковицы, тогда как в другом — крепостная башня.

Новые дома, которые стоят между старинными на всех улицах центра, едва уловимыми чертами своей архитектуры и окраской вторят господствующему здесь классицизму. Даже конструктивистская нагота одного из жилых корпусов, построенного, вероятно, еще в двадцатых годах, благодаря белым и желтым плоскостям фасада соотносится с торжественным портиком находящегося неподалеку екатерининского здания, занятого облисполкомом.

Все это, и еще деревья вдоль тротуаров и на бульваре, где дорожки покрыты впечатанным в землю мелко искрошенным кирпичом, и сам этот празднично пламенеющий среди газонов кирпич, испятнанный шевелящимися тенями листвы, и старинная ограда усадьбы наискосок отсюда, арочное основание которой со вкусом и пониманием стиля покрашено мелом и красной охрой, все это говорит не только об осведомленности и художественном такте современных ярославцев, но и об особенностях советского города, свободного от причуд и меркантильного расчета частного собственника.

СРЕДИ КАРТИНОК, какие можно встретить, листая чудесную книгу, есть и забавные. С одной из них, например, глядит курносый, чуть вскинувший голову император Павел, приказавший разобрать сооруженный лет за десять до того величественный дворец здешнего наместника и употребить кирпич на постройку казарм. Такие картинки способны развлечь, но они же позволяют ощутить время, распознать горечь, какая часто присутствовала в художественном творчестве. И тем значительнее соседние изображения, где представлены зодчие, сменившие древних мастеров. Русские строители XVI и XVII веков работали по преимуществу без чертежа или проекта, почти так же, мне кажется, как скульптор лепит статую; они одержимы были веселой фантазией. А вот эти питомцы петровских преобразований, сдружившие с поэзией математику, запечатлели в камне мысль, ее ясные вершины. Мне привиделся здесь могучий Иван Старов, один из создателей русского архитектурного классицизма, строитель Таврического дворца, — существует предположение, что он имел касательство к плану регулирования застройки Ярославля; возможно, что и дворец наместника выстроен был по его эскизному проекту. Я увидел и самоучку из мещан Ростова Великого, талантливого Петра Панькова, в многочисленных постройках которого к столичной строгости прибавлена провинциальная мечтательность.

Однако не одни зодчие нарисованы на картинках.

Эта архитектура создавалась в радищевской и пушкинской России, в России декабристов, она принадлежит той удивительной поре, когда как бы вдруг начались у нас и революционная философия, и великая литература, и зодчество, театр, музыка... Не только губернскую мундирность заставляют вспомнить эти портики и фронтоны, но и вольнолюбивую просвещенность. Быть может, все дело в известной настроенности, и для иного слово «Губерния», произнесенное с большой буквы, содержит лишь чиновность и сановитость,—но ведь была же аудитория у профессора Ярославского Демидовского лицея Константина Ушинского, удаленного за политическую неблагонадежность!

Культура современного советского города счастливо соединилась в Ярославле с губернской культурой, что сообщило законченность архитектурным ансамблям, придало городскому пейзажу черты особливости.

Поэтому и видишь здесь рядом с предками своих современников.

И если бы потребовалось одним словом сказать о характерной черте современного ярославца, причем основанием для этого служила бы прогулка по городу, то я бы употребил выражение «интеллигентность».

В Ярославле, как и в других наших областных городах, старых и новых, существуют институты, музеи, библиотеки, книжное издательство, филармония, театр... Все это свидетельствует о том, что в городе живет много образованных людей. Но я даже не это имею в виду, а то понимание, с каким ярославцы застраивают и содержат свой город, — интеллигент, если взять прямой смысл этого слова, означает ведь «понимающий».

Вот уже три года выходят в Ярославле «Краеведческие записки», — в первом выпуске, к слову сказать, мне и повстречалась статья о предположительном участии Старова в регулировании застройки Ярославля. С недавнего времени здесь начали издаваться «Материалы по изучению и реставрации памятников архитектуры Ярославской области». Периодически выходит «Сборник студенческих научных работ», вышел в свет двухтомный труд — «Природа и хозяйство Ярославской области». Эти скромные на вид издания хороши не одними лишь учеными сведениями, но и тем, что я назвал бы поэзией деятельной мысли.

Поэзией мысли одухотворен и здешний архитектурный пейзаж.

ОБ ЭТОМ мы и рассуждаем с моим спутником. Мы остановились с ним у слияния Которосли с Волгой, на Стрелке, на месте основания города. Пахнет горячей водой от только что политого асфальта. Травянисто пахнут кусты и деревья, с листьев которых смыта пыль.

Впереди нас и по бокам, уходя далеко в стороны, чернеется над водой чугунная ограда с веночками из листьев лавра, вставленными в длинные вытянутые овалы, — та часть ограды, что вдоль Волги, была сделана в сороковых годах прошлого столетия, а та ее часть, что вдоль Которосли, точная копия старинной, была отлита в конце минувшей войны, когда граждане Ярославля, ожидая домой победителей, начали строить здесь набережную.

Между белыми храмами, в овраге, который справа от нас спускается к Которосли, лежит небольшой стадион, изящно вписавшийся округлой своей архитектурой в зеленые склоны. По преданию, из этого оврага вышла на охотившегося здесь князя Ярослава медведица, и князь, чудесным образом спасшийся от разъяренного зверя, повелел срубить на этом месте город.

Существуют и другие легенды об основании Ярославля.

Ученые же говорят, что на этом мысу было древнее селище, жители которого присоединились к великому крестьянскому мятежу, охватившему в начале нашего тысячелетия Ростово-Суздальскую землю, и что князь Ярослав, разгромив мятежное гнездо, поставил город, чтобы владеть здесь Волгой.

Отсюда, где мы стоим сейчас, как бы просматривается насквозь тысячелетие, но отсюда же хорошо видно и далеко вперед.

Из-за Волги и Которосли идет грозовая туча. Открытое глазу пространство так велико, что видишь и тучу с полыхающими внутри белесыми молниями, и пыльное, излучающее свет небо вокруг тучи, и дымы чернеющих по берегам обеих рек заводов, и древние церкви между заводами, и крыши домов, плоскости их стен, и далекую землю полей в перемещающихся тенях, словно затянутую дымкой, и матовый металл великой реки, в которую вливается другая река, еще освещенная солнцем...

Пусть простят меня ярославцы, испытывающие серьезные неудобства от дымящих заводов. Я и сам с сердечной болью смотрел сегодня, как ядовитый дым колеблясь, скользит по глазури изразцов, по кирпичному орнаменту, по свежей позолоте. Дымы эти надо бы незамедлительно убрать, для чего, вероятно, имеются технические возможности. Но вот я стою на высоком мысу между двумя реками и не могу не любоваться дымящимся горизонтом — черные, серые, изжелта-белые клубящиеся дымы.

Обе реки потемнели от нависшей над ними тучи. Среди синеватой воды светлеются плоский песчаный остров и две исполинские песчаные косы, с двух сторон идущие к острову от нашего берега. На острове зеленеют светлые пятнышки молодых деревьев. На обеих косах шевелятся, переползают с места на место, ходят из стороны в сторону загорелые голые люди, — есть в этом зрелище нечто античное.

Мне рассказывали, что здесь были зыбучие отмели и топи, а устье Которосли, круто изгибаясь, входило в Волгу в том самом месте, над которым мы сейчас стоим. Оно и теперь здесь осталось — узкая тихая излучина, однако впереди, по ту сторону острова, течет сейчас прямой широкий канал. Канал был прорыт через низменный болотистый мыс, и вынутый из него грунт, намытый на возникший таким образом остров, сделал возможным посадить тут деревья. И на обе косы, охватывающие остров, прежде тоже низменные, заливавшиеся водой, был намыт песок, взятый из Волги и Которосли. Все это я узнал от Бориса Львовича Хуторянского, главного архитектора Ярославля, по проекту которого создается сооружение, свободно простершееся под высоким мысом Стрелки. Он рассказал, что общая площадь пляжа, и парка, и будущего стадиона, вместе с зеркалом воды между ними, достигает пятидесяти гектаров.

Я смотрю на белеющие среди синей воды плоские песчаные пространства, на низкую тучу над ними, в которой по временам вспыхивают молнии. Над широко открытым полукружием горизонта, вдоль которого расставлены заводы, уже висит дождь, оттуда тянет свежестью. Я думаю о том, что все увиденное мною в Ярославле, особенно же этот циклопический гидропарк, являет собой как бы слепок с души современника. Мне припоминается, как в Толчкове, на кружевном железном подзоре церковной крыши, я вдруг разобрал сквозящую неуклюжими древними буквами надпись: «Клыл місто Якоф Михайлов», — должно быть, крыл это место Яков Михайлов. Труд неизвестного старинного мастера соединяется в моих мыслях с трудом сегодняшним. Я говорю об этом моему спутнику. Борис Васильевич Гнедовский, согласившись со мной, замечает, что похожее хорошо описано Чеховым в рассказе «Студент». Мне приятна его подсказка, потому что он назвал любимый и мною рассказ.

«И радость вдруг заволновалась в его душе, — говорит о своем герое Чехов, — и он даже остановился на минуту, чтобы перевести дух. Прошлое, — думал он, — связано с настоящим непрерывною цепью событий, вытекавших одно из другого. И ему казалось, что он только что видел оба конца этой цепи: дотронулся до одного конца, как дрогнул другой».

Надо бы здесь назвать и будущее, ибо оно—продолжение настоящего.

Михась КАЛАЧИНСКИЙ

В ЭТИ ДНИ

...А на заре пошел последний снег,
Сугробы потемнели и ослабли.
По красным черепицам, взяв разбег,
заторопились голубые капли.
Теплынь прервала долгий сон земли
серебряным и звонким молоточком.
И капли раззвенелись, как шмели,
и рухнул снег усталый и непрочный.
А ветры понеслись во все концы.
По зеркалам озер легли надрезы.
И к наковальням встали кузнецы,
чтоб высечь искры
из железа.
Хвалю твое рождение, весна!
Хвалю людей упорных и умелых,
что будят землю по весне от сна,
чтоб, мирная, она зазеленела.
О, как светло предчувствие весны
на просеках, покрытых талым снегом!
Взлетают птицы из чащоб лесных
теплу навстречу и навстречу свету.
Играют соки под корой, гудят.
И подставляет солнцу почки верба.
И омуты проснулись и глядят
промоинами голубыми в небо.
Мир посветлел.
Прошел он путь войны,
сто всяких мук перетерпел,
но выжил...
Посланца мира из страны весны
приветствуют на улицах Парижа.

Перевел с белорусского
Булат ОКУДЖАВА

Il vaut tellement mieux...

Насколько лучше, — восклицает французская газета «Либерасьон», — насколько лучше, когда...

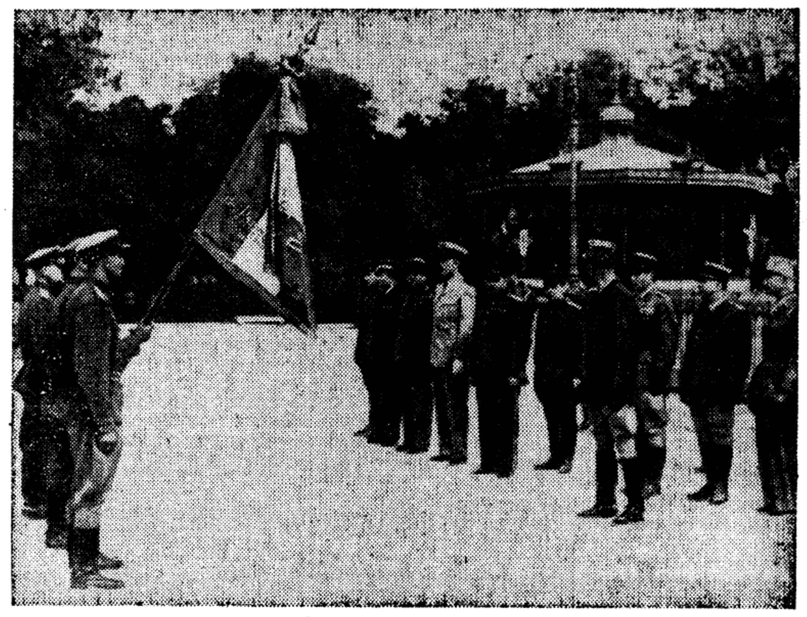
...когда ветер мира развевает знамена и не сметает людских жизней ветер войны!

...когда в вас целятся из фотоаппарата, а не из ружья!

...когда стены рушатся от оваций, а не от бомбежки!

...когда мобилизуют добрую волю французов, а не самих французов!

Рисунки и текст французского художника Эскаро.



Так тает лед

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

НАША ЦЕЛЬ — МИР

Сегодняшний день был насыщен большими событиями. После посещения дома на улице Мари-Роз Никита Сергеевич вел переговоры с Президентом де Голлем, затем присутствовал на завтраке в Ассоциации дипломатической прессы, посетил совместную советско-французскую выставку «Советский Союз и Франция в документах советских и французских архивов», встретился с большой группой депутатов французского парламента.

Хочу остановиться на встрече Никиты Сергеевича с представителями Ассоциации дипломатической прессы. Она прошла живо, интересно, в исключительно дружеской обстановке. В своей речи Н. С. Хрущев подчеркнул, что задача журналистов — активно содействовать установлению доброго взаимопонимания и дружбы между Советским Союзом и Францией, делу укрепления мира. Он отметил, что в печати немало говорят о целях визита главы Советского правительства во Францию, строят различные предположения. Никита Сергеевич заявил, что этот визит не имеет ничего общего с утверждениями, будто Советский Союз хочет «отколоть Францию от ее западных союзников», расколоть «фронт западных держав перед совещанием в верхах».

— Нет, господа, — сказал Никита Сергеевич, — не с такими намерениями мы приехали во Францию, не с такими целями встречаемся с Президентом де Голлем и другими государственными деятелями Франции. Мы прежде всего стремимся к расширению контактов и связей между СССР и Францией по всем линиям. Что плохого может быть для других государств в том, что Советский Союз и Франция установят между собой хорошие отношения, взаимопонимание и сотрудничество? Такие отношения не требуют от Франции, чтобы она растеряла своих нынешних друзей. Не требуется это и от Советского Союза. Не правильнее ли предположить, что широкое советско-французское сотрудничество увеличит число друзей и Франции, и Советского Союза? От увеличения числа друзей еще ни одно государство не проигрывало. У нас есть мудрая поговорка: не имей сто рублей, а имей сто друзей. И мы хотели бы, чтобы друзья Франции стали нашими друзьями, а наши друзья стали друзьями Франции.

С огромным интересом слушали присутствовавшие высказывания главы Советского правительства о необходимости мирного сосуществования, о стремлении советских людей к разрешению проблемы разоружения. Никита Сергеевич высмеял тех, кто до сих пор старается вернуть старое, помешать смягчению международной напряженности.

— Некоторые из журналистов, — сказал Н. С. Хрущев, — в свое время немало потрудились над прославлением «холодной войны». Они, как бы это помягче сказать, в известной степени связали свою судьбу с судьбой «холодной войны». Жизнь показала, что период «холодной войны» приходит к концу. Не бояться надо этого факта, а приветствовать и способствовать прекращению «холодной войны». Печать может сделать и в этой области очень многое.

Журналисты задали немало вопросов, на которые живо и остроумно ответил Никита Сергеевич.

...Думая о том, что столица Франции так тепло приветствует советского гостя, снова и снова вспоминаешь слова великого француза Ромена Роллана: «Как бы слаб ни был мой голос, я всегда буду выступать за мир и свободу... за все более тесный союз с нашим славным другом — СССР...»

Сегодня они звучат особенно мудро.

ПАРИЖ, 25 марта. (По телефону).

Возле города Нима

НЕБОЛЬШОЕ селение на юге Франции. Печальные кладбищенские кресты. Цветы у свежей могилы. Вокруг — партизаны, французские крестьяне. В молчании они склонили головы. У многих на глазах слезы.

— Население Ла-Кальмета, все французы сохранят светлую память о двух советских героях, отдавших жизнь за освобождение Франции. Их могила будет символом дружбы наших народов.

Это произнес мэр Ла-Кальмета Роже Марселла — виноградарь в сапогах и рабочей куртке. Он обнялся с Бартухом Петросяном — командиром советского партизанского батальона, армянином, с нашивкой капитана на черной куртке. Бойцы вскинули карабины. В виноградниках Ла-Кальмета прозвучал залп в честь павших героев...

Вдали от Родины погребены два советских партизана — Николай Балонин и Петр Вартанов. Как они погибли? Об этом рассказал мне на днях бывший советский партизан во Франции, ныне электромонтер Ереванского завода фрезерных станков Хачик Амбарцумян.

Это произошло 24 августа 1944 года. Немецкая механизированная колонна двигалась по дороге в Ла-Кальмет. На подступах к селу гитлеровцев неожиданно атаковали бойцы первого партизанского батальона под командованием Петросяна. Рядом с кладбищем в тени акации залегли Николай Балонин и Петр Вартанов. Поодаль устроил засаду Амбарцумян. Против танков были лишь гранаты и бутылки с горючей жидкостью. Балонин и Вартанов поочередно метали гранаты в немецкие танки.

— Получай! Еще! Еще! — то и дело слышался сквозь грохот боя голос Балонина.

Повернувшись в ту сторону, Амбарцумян заметил Вартанова, поднявшегося с занесенной назад гранатой. И в ту же секунду он увидел, что Вартанов падает. Убит был и Балонин. Самого Амбарцумяна тяжело ранило.

Но у кладбища уже горели подбитые танки. Фашисты потеряли около 200 человек убитыми.

— Что же с вами случилось потом? — спросил я Амбарцумяна.

— Я очнулся в крестьянском доме на окраине Ла-Кальмета. Меня вынесли с поля боя три француженки. Дважды, пряча от петэновцев, меня переносили в подвал и укладывали на гибкие виноградные прутья. Я пробыл в доме французского крестьянина около двух суток, пока меня не забрали свои.

***

— Лучше всего вам расскажут о Ла-Кальмете и Ниме сохранившиеся у меня фотографии, — сказал Александр Аркадьевич Казарян, бывший командир советского партизанского полка во Франции.

Александр Аркадьевич разложил на столе два пухлых альбома и несколько обвязанных лентами пачек. На первой же фотографии — изображение одинокого дерева у дороги. Точнее, то был ствол старого дерева, без кроны. Но вверху виднелись молодые побеги.

— Под этой акацией погибли Балонин и Вартанов, — сказал Александр Аркадьевич. — Позже, когда мы освободили Ним, мы часто приезжали в Ла-Кальмет — это от Нима всего в двенадцати километрах — и обязательно шли к старой акации. Знали это дерево и местные жители. Проходя мимо, они снимали шляпы. Теперь, наверное, дерево разрослось...

Я рассматриваю снимки. Первому батальону советского партизанского полка, ворвавшемуся в Ним, торжественно вручается знамя. Его принимают А. Казарян. Б. Петросян, комиссар полка Л. Титанян, начальник штаба Д. Минасян и старший лейтенант Г. Оганесян. А вот другой снимок: бригадный генерал Зеллер вручает советскому партизанскому полку во Франции трехцветное знамя с орденом Военного Креста. Это было 1 мая 1945 года. На второй день командование полка пригласили в префектуру, чтобы расписаться в Золотой книге города Нима.

— В те дни мы получили еще одно знамя, — вспоминает Александр Аркадьевич. — Как-то вечером в полк пришли пожилые супруги, передали мне сверток. В белоснежной простыне хранилось изодранное красное знамя — переходящее знамя лучшей МТС Сталинградской области. Оказывается, у них на квартире жили немецкие офицеры, бежавшие из-под Сталинграда.

Вот еще снимки: весело пляшут девушки и парни. Это участники партизанской самодеятельности выступают на городской арене. Горожане восторженно встречали концерты советских партизан, забрасывали арену цветами. Весь сбор от концертов поступал в фонд французского Красного Креста.

Фотография, датированная 23 февраля 1945 года. В честь 27-й годовщины Советской Армии в Ниме состоялся парад советского партизанского полка. Рядом с чеканящими шаг советскими партизанами виден французский мальчик.

— Это Мишель, — говорит Александр Аркадьевич. — Сын французской партизанки, наш связной. Мы сшили ему на прощанье пальто из армейского сукна, обули, подарили альбом со снимками. Где теперь Мишель?..

***

Я познакомился также с бывшим командиром второго батальона советского партизанского полка Ваганом Александровичем Оганяном, которого во Франции звали «Спартаком». Ныне он кандидат сельскохозяйственных наук. Встретился я и с Бартухом Казаровичем Петросяном — теперь ответственным работником исполкома Ереванского горсовета.

Сколько друзей осталось у них и в Манде, и в Вильфоре, и в Ле-Пон-де-Монсере, и в Алесе, и, главное, — в Ниме, где советский партизанский полк несколько месяцев нес службу по охране города!

Как может Ваган Оганян забыть веселого, жизнерадостного (хотя иногда грустившего по дому), бесстрашного Жана Бибо — учителя из департамента Вьена, и то маленькое кафе, где они распили бутылку вина за процветание французского и советского народов? Или крестьянина, подарившего ему на память железную табакерку — ныне дорогую реликвию в доме Оганяна?

В альбоме Бартуха Казаровича Петросяна — фотографии французских партизан Андриена, Мартина и Габриэля, женщин-санитарок и многих других участников французского Сопротивления.

— В эти дни, — говорит Бартух Казарович, — я все чаще думаю о своих французских друзьях. Ведь в годы борьбы против гитлеризма мы сблизились, как братья. Где они теперь? Как сложилась их жизнь?

Об этом же говорили и другие бывшие партизаны. Они просили «Литературную газету» поместить их адреса и сообщить, что они с радостью получили бы вести от французских товарищей по борьбе, от жителей старинного города Нима.

Исполняем их просьбу:

Александр Аркадьевич Казарян — Ереван, Киевская улица, дом 3, квартира 20.

Бартух Казарович Петросян — Ереван, 4-й переулок Барекамутюн, дом 10, квартира 18.

Ваган Александрович Оганян — Ереван, Киевская улица, дом 5, квартира 37.

Хачик Макарович Амбарцумян — Ереван, улица Абовяна, дом 83-а, квартира 1.

И еще они просили передать через газету горячий привет и добрые пожелания всем честным людям, кто знает и помнит их во Франции.

К. СЕРЕБРЯКОВ,
собственный корреспондент «Литературной газеты»

ЕРЕВАН

На снимках: возле деревни Ла-Кальмет партизаны Петросяна готовятся встретить немецкие танки.

1 мая 1945 года. По решению французского правительства I Советскому партизанскому полку было вручено знамя Французской Республики.

ПИСАТЕЛИ ФРАНЦИИ — ДЕТЯМ

«Страна Поэмия» — антология французской поэзии для детей, составленная поэтом Арманом Го, вышла впервые в 1928 году, с тех пор она выдержала многочисленные переиздания. Недавно парижское издательство «Эдисьон Бурреляе» прислало в «Литературную газету» одно из последних изданий этой сокровищницы французской детской поэзии. В предисловии к книге известный французский писатель Шарль Вильдрак пишет: «Чтобы увлечь юного читателя, Арман Го отобрал лучшее в современной детской поэзии, взяв преимущественно произведения ныне здравствующих авторов, полагая, что вниманию ребенка следует прежде всего предложить песни и язык времени, в котором он живет».

Мы публикуем сегодня несколько стихотворений из сборника «Страна Поэмия», иллюстрированного французской художницей Женевьевой Куто.

Мари НОЭЛЬ

СПИ, МАЛЫШ...

Спи, малыш, чтоб день прошел,
Спи, не спать — нехорошо,
Спи, а то сегодня вечер
Будет длиться вечно-вечно.

Должен новый день настать.
Если ты не будешь спать,
Самый лучший день тогда
Не настанет никогда.

Под покровом темноты
Одеваются цветы,
Если ты не будешь спать,
Ты им можешь помешать.

Засыпай, чтобы цветок
Из бутона выйти мог,
Чуть заслышит шорох он —
Снова спрячется в бутон.

Спи, чтоб корни все могли
Погрузиться в глубь земли,
Там в тиши цветы хранят
Нежный цвет и аромат.

Ночь цветов полна забот,
Этот — красит, этот — шьет,
Все торопятся, спешат, —
Утром праздничный парад.

Новый день придет. И он,
Всем цветам отдав поклон,
Красным пальчиком зажжет
Яркий солнечный восход.

Луи ЭМИЕ

МАДАМ АРИФМЕТИКА

Мадам Арифметика,
Ну-ка, сумейте-ка
Сами ответить на мой вопрос:
Когда я решала ваши задачи,
Сколько мной было пролито слез?

Пьер МУССАРИ

АКРОБАТ

Вперед — назад! Вперед — назад!
Летит от ветки к ветке
Бесстрашный рыжий акробат,
Работая без сетки!

Жорж ДЮАМЕЛЬ

ЗВЕРИНЕЦ

О, папа, папа, ты все знаешь,
Ты книжки разные читаешь,
Читаешь ты газеты даже,
Где буквы, как крючки из сажи,
Как след от комариной лапки.
О, папа, разгадай загадки.

Глаза, как две стеклянных бусинки,
А уши, как капустный лист.
Есть сзади хвост — совсем
малюсенький,
А спереди — большой повис.
Всех малышей пугает он.
Ну, кто же это? Это — слон!

Ни разу в школу не ходила,
В носу умеет ковырять,
Когда захочется — затылок
Ногою может почесать.
Ну, кто же это? Кто?
Горилла!

Посмотришь — в камень спать залезет
Или начнет едва ползти,
Как будто сразу все болезни
Завязнут у нее в груди.
Кто это? Угадай-ка, папа!
Конечно, это — че-ре-па-па!

Его животным называют,
Но больше на бревно похож,
Порой он слезы проливает,
Но отчего — не разберешь.
При нас он слез своих не лил.
Кто это, папа? Крокодил!

Зеленый. Носом говорит.
Все повторяет, словно эхо.
Когда бывает он сердит,
Кричит, ругается — потеха!
Кто это, папа, угадай?
Конечно, это — попугай!

Он ест, он пьет, кричит и плачет.
Нос утирает рукавом,
С утра до вечера он скачет,
Перевернул весь дом вверх дном.
И говорят — он весь в тебя.
Кто это, папа? Это — я!

Гийо де СЭ

РОЗОВЫЙ БАР

Открыла роза новый бар.
Какая розовая стойка!
У розы разбирают бойко
Росу и розовый нектар.

Сел мотылек на стул высокий,
Слегка качается сиденье,
Зато какое наслажденье —
В стакане — солнечные соки!

Жак ПРЕВЕР

БЕЛЫЙ ВСАДНИК

Зимней ночью скачет белый всадник.
Это — снеговик с трубкою в зубах,
А за ним суровый холод мчится
сзади —
В двух шагах!
Наконец, деревня. Наконец-то можно
Отдохнуть немного. Всадник слез
с коня,
В дом вошел без стука, тихо,
осторожно,
И уселся около огня.
Сел — и вдруг внезапно он исчез.
О ужас!
Он исчез, а трубка покатилась на пол,
И осталась трубка,
И осталась лужа,
И осталась в луже —
старенькая шляпа...

Перевел с французского
Н. РАЗГОВОРОВ

НА ПЕРВЕНСТВО МИРА

СЛИШКОМ НЕРВНО!

Третья партия матча заставила зрителей порядком поволноваться, но расходились они после окончания игры отнюдь не в радостном настроении. Слышались недоуменные вопросы, а стандартные разъяснения мастеров были чересчур похожи на анекдотический ответ врача, не решающегося поставить точный диагноз: «на нервной почве!»...

Говоря по справедливости, основания огорчаться у зрителей были. Далеко не все можно списать «на нервность». С полным спокойствием (я сказал бы даже — с завидным хладнокровием!) молодой претендент белыми поставил партию так, что уже на 9-м ходу стоял стратегически безнадежно. Дебют был разыран Талем по забракованному принципу «пусть плохо, лишь бы ново!». Этот принцип успел изжить себя в турнирах первого разряда, а уж в матче на первенство мира для него и вовсе не должно бы найтись места.

Чемпион мира логично опроверг игру претендента и вскоре добился, ничем не рискуя, совершенно выигранного положения. Судьба белых, казалось, решена. Существует старинный афоризм: шахматная партия — это трагедия одного темпа; в третьей партии матча афоризм подтвердился полностью. В сложившейся маневренной, неторопливой игре белые были обречены на пассивное ожидание гибели.

Злополучный «один темп», казалось, значения не имеет — черные могли перестраиваться, сколько их душе было угодно. И тем не менее в решительную минуту черным как раз не хватало одного темпа!

Будь у них сделан ход a6 — никакие жертвы на ферзевом фланге не прошли бы и тактические потуги Таля не спасли бы дурно поставленной партии. Почему-то Ботвинник не сделал своевременно защитительно-профилактического хода a6. Используя временное удаление черного ферзя на край доски, Таль выскочил ферзем на a5, жертвой слона раскрыл позицию неприятельского короля и форсировал ничью вечным шахом.

Когда на 38-м ходу была зафиксирована ничья вечным шахом, оба противника вздохнули облегченно, а переполненный зал вздохнул горестно: такая партия не украшает творчества двух сильнейших шахматистов.

Четвертая партия несколько утешила болельщиков. В ней тоже не было ни особенно глубоких замыслов, ни блестящих комбинаций. Это была техническая партия, но все же — партия гроссмейстерского класса. Почти сразу после дебюта (был разыгран редко встречающийся вариант защиты Нимцовича) игра перешла в интересный эндшпиль, в котором у каждого из противников было по две ладьи и по коню при пешечном равенстве. Позиция Ботвинника, игравшего белыми, была несколько перспективнее, но наиболее вероятным исходом казалась ничья. Зрители с интересом следили за тонкими маневрами и контрманеврами, когда Таль внезапно допустил неточность, уведя коня на край доски, где он стоял очень пассивно.

Инициатива белых стала выглядеть опасной, но снова вступил в свои права цейтнот. Заметим в скобках, что в этом матче цейтнот пока что — явление одностороннее: у Таля неизменно остается на часах неиспользованное время, тогда как чемпион мира использует свое до последней секунды.

Повторилась ситуация, уже случившаяся во второй и третьей партиях: в цейтноте чемпион мира сделал несколько недостаточно энергичных ходов — и претендент легко уравнял шансы.

В ладейном окончании на 41-м ходу противники согласились на ничью.

Пятая партия матча опять была начата Талем ходом королевской пешки. Ботвинник избрал защиту Каро-Канн. На этот раз претендент не стремился играть экстравагантно. В старинном варианте, ведущем к острой фигурной борьбе, он получил некоторый пространственный перевес и несколько раз предлагал жертвы пешек, которые чемпион мира почел за благо отклонить. Добившись многообещающей позиции, Таль на 20—25-м ходах играл несколько пассивно, стремясь к упрощениям. Возмездие не заставило себя ждать: из лучшей позиция белых стала худшей, хоть и не намного. После 40 ходов партия была отложена.

Вчера состоялось доигрывание. Противники, сделав всего два хода, согласились на ничью. Счет матча стал 3:2 в пользу Таля. Сегодня в шестой партии белыми играет Ботвинник.

Приходится отметить, что по крайней мере из трех партий, в которых у него было преимущество, Ботвинник не выиграл ни одной. Это указывает на то, что чемпион мира еще не достиг своей наилучшей формы, еще «не разыгрался». Неукоснительное, беспощадно четкое использование достигнутого преимущества всегда было одним из главных козырей чемпиона мира. В его практике «выпуски» встречались крайне редко. Высокая техника спасла Ботвинника в матче с Бронштейном и не раз выручала его в других ответственных соревнованиях. Будем надеяться, что Ботвинник еще придет в норму, разыграется и вновь обретет свою былую «железную хватку».

Евг. ЗАГОРЯНСКИЙ

Главный редактор С. С. СМИРНОВ.
Редакционная коллегия: В. Н. БОЛХОВИТИНОВ, Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА, Г. М. КОРАБЕЛЬНИКОВ, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора). М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора). Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Г. Г. РАДОВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, отделы: русской литературы — Б 8-99-33, искусств — Б 1-11-69, литератур народов СССР — Б 8-59-17, внутренней жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, зарубежной литературы и искусства — К 4-84-28, информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты» Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Б—02473